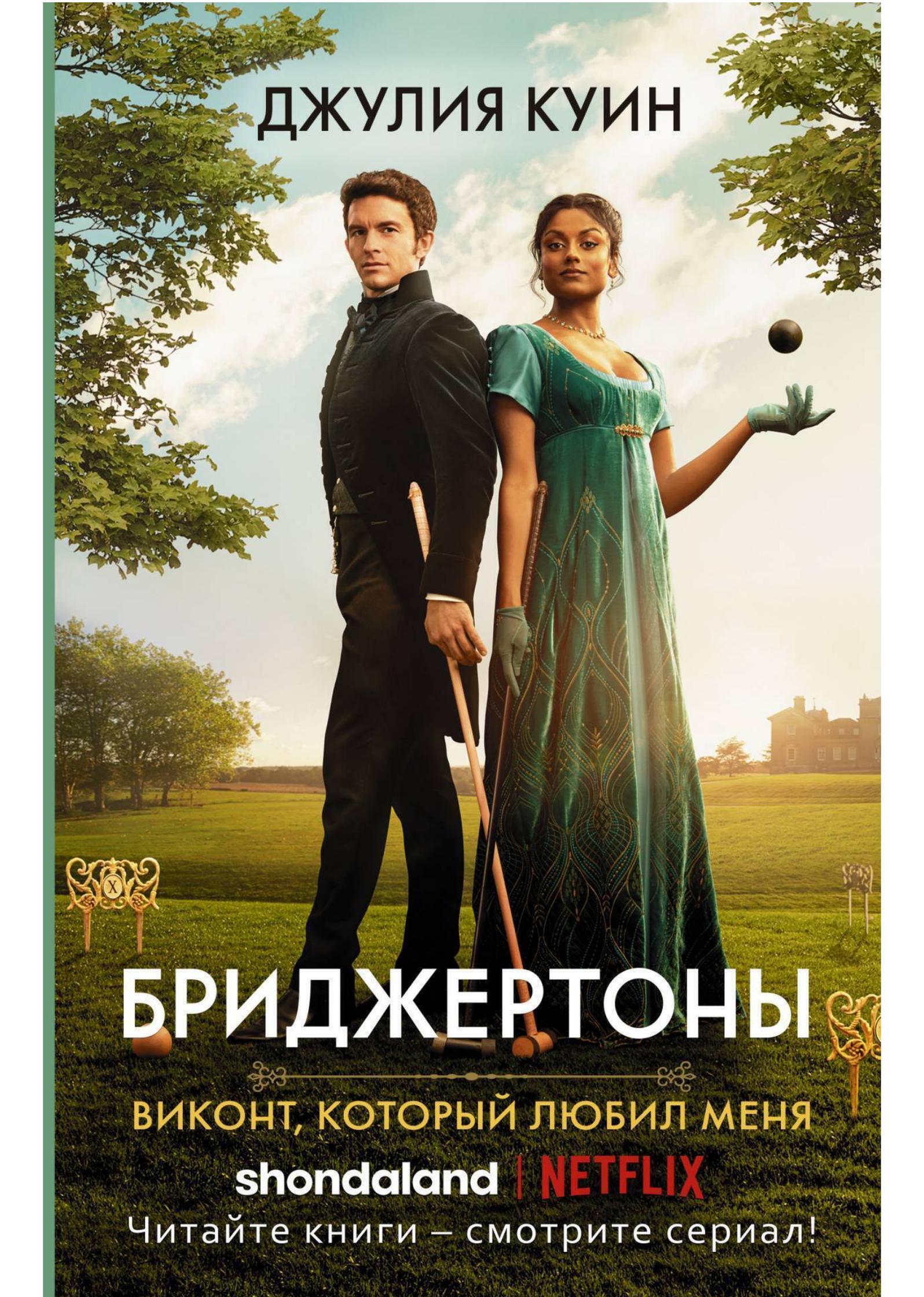

ДЖУЛИЯ КУИН

БРИДЖЕРТОНЫ

ВИКОНТ, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ МЕНЯ

shondaland | NETFLIX

Читайте книги – смотрите сериал!

Бриджертоны

Джулия Куин

Виконт, который любил меня

«Издательство АСТ»

2000

Куин Д.

Виконт, который любил меня / Д. Куин — «Издательство АСТ»,
2000 — (Бриджертоны)

Неисправимый холостяк и повеса виконт Энтони Бриджертон наконец надумал обзавестись супругой. Но свадьбе угрожает катастрофа – ведь старшая сестра невесты решительно против кандидатуры жениха. Кейт Шеффилд уверена – такой мужчина, как Бриджертон, никогда не станет приличным мужем. Она не подпускает виконта даже близко к своей сестре. Итак, война. И ни Энтони, ни Кейт не намерены выйти из нее побежденными. Но чем дальше, тем сильнее их тянет друг к другу, а раздражение сменяется пылкой страстью, от которой не спасают ни разум, ни гордость... Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	37
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джулия Куин

Виконт, который любил меня

Пролог

Энтони Бриджертон всегда знал, что умрет молодым.

О нет, не ребенком. У юного Энтони не было причин размышлять о собственной смертности. Его детство можно было бы назвать идеальным, начиная со дня рождения.

Да, Энтони действительно был наследником древнего титула виконта и богатого поместья, но в отличие от многих аристократических пар лорд и леди Бриджертон очень любили друг друга и считали рождение сына не появлением наследника, а плодом этой любви.

Поэтому никто не устраивал званых вечеров, обедов и балов в честь Энтони. Мать с отцом были заняты тем, что восхищенно рассматривали первенца.

Бриджертоны были молодыми родителями: Эдмунду едва исполнилось двадцать, а Вайолет – восемнадцать, но они славились рассудительностью не по годам, любили сына неукротимо и преданно, качества, редко наблюдаемые в их кругах. К полному ужасу матери, Вайолет настаивала, что сама будет кормить сына, а Эдмунд никогда не следовал неписаным правилам, по которым отцы не должны ни видеть и ни слышать собственных детей. Он брал ребенка в долгие прогулки по полям Кента, рассуждал о философии и поэзии, когда тот еще не понимал значения этих слов. И каждый вечер рассказывал ему сказку на ночь.

Поскольку виконт и виконтесса были так молоды и любили друг друга, никого не удивило, что через два года после рождения Энтони на свет появился его младший брат, окрещенный Бенедиктом. Отныне Эдмунд стал брать на прогулки обоих детей. Целую неделю он провел на конюшне, помогая шорнику смастерить специальный ранец, в котором можно было бы носить Энтони. Малютку Бенедикта отец держал на руках.

Они гуляли по полям, переходили ручьи, и отец рассказывал детям о чудесных созданиях природы: прекрасных цветах и ясном голубом небе, о рыцарях в сверкающих доспехах и несчастных, попавших в беду девушках. Вайолет смеялась при виде растрепанной, обветренной и раздумывавшейся троицы, а Эдмунд обычно восклицал:

– Видите? Вот наша девица, попавшая в беду. И мы, конечно, спасем ее!

Энтони немедленно бросался в объятия матери и со смехом клялся защитить ее от огнедышащего дракона, которого они видели своими глазами всего в двух милях от деревни.

– Всего в двух милях от деревни?! – восклицала Вайолет с подобающим случаю ужасом. – Святые небеса, что бы я делала без своих защитников?! Трое сильных мужчин готовы оборонять меня!

– Бенедикт еще маленький, – непременно уточнял Энтони.

– Но он вырастет, – всегда отвечала она, ероша его волосы, – как вырос ты. И ты станешь еще выше и сильнее.

Эдмунд одинаково любил детей и был им предан, но по ночам, прижимая к груди фамильные часы Бриджертонов (подаренные на восьмой день рождения отцом, который, в свою очередь, получил их на восьмой день рождения от своего отца), Энтони часто думал, что отношения с отцом – особенные. Не потому, что Эдмунд любил его больше: к этому времени у него появились еще сестра и брат, Колин и Дафна, и Энтони прекрасно знал, что родители никого не выделяют.

Нет, ему нравилось так думать лишь потому, что он знал отца дольше остальных детей. В конце концов, как бы долго Бенедикт ни знал отца, Энтони всегда будет опережать его на два года. И на шесть – Колина. Что же касается Дафны... помимо того факта, что она девочка

(вот кошмар-то!), она познакомилась с отцом на восемь лет позднее, чем он, и эта разница сохранится навсегда.

Короче говоря, Эдмунд Бриджертон был самым средоточием и центром мира Энтони. Высокий, широкоплечий, он сидел на коне так, словно родился в седле. Он прекрасно решал арифметические задачи (что не всегда удавалось наставнику) и не видел причины, почему бы сыновьям не получить домик на дереве (который он и выстроил сам), а его смех мог согреть душу самого жестокого человека.

Эдмунд научил Энтони ездить верхом, научил стрелять, научил плавать. Сам отвез его в Итон, вместо того чтобы отослать в экипаже под присмотром слуг, и, заметив, как сын нервно оглядывает школу, которой предстояло стать его новым домом, потолковал с ним по душам, заверив, что все будет хорошо.

И оказался прав. Энтони знал это с самого начала. Отец никогда не лгал.

Энтони любил мать. Черт, да он отдал бы руку на отсечение, лишь бы она была здорова и счастлива. Но по мере взросления все, что он делал – каждое достижение, каждая цель, надежды и мечты – было связано с отцом.

Однако однажды все изменилось, его мир рухнул. Позже Энтони часто размышлял, как странно, что жизнь может перевернуться за какое-то мгновение, и там, где секунду назад была твердая почва, возникают топи и зыбучие пески.

Это случилось, когда Энтони было восемнадцать. Он вернулся домой на летние каникулы и готовился провести свой первый год в Оксфорде. Его записали в Колледж всех душ, как когда-то его отца. Будущее казалось ясным и безоблачным, каким бывает только в восемнадцать лет. Он только что обнаружил существование женщин, вернее, они обнаружили его существование. Семья продолжала увеличиваться, и к уже существующим отпрыскам добавились Элоиза, Франческа и Грегори. Энтони едва сдержался, чтобы не закатить глаза к небу при виде матери, беременной уже восьмым ребенком! Подобное положение казалось ему несколько неприличным! Подумать только, такие старые, а все рожают детей!

Но он оставил свое мнение при себе.

Кто он такой, чтобы сомневаться в отцовской мудрости? Может, и ему захочется иметь много детей в почтенном тридцатишестилетнем возрасте!

Энтони узнал обо всем в конце дня. Они с Бенедиктом возвращались после долгой беспощадной скачки и только что вошли в холл Обри-Холла, наследственного дома Бриджертонов, когда он увидел свою десятилетнюю сестру, почему-то сидевшую на полу. Бенедикт, проигравший брату какое-то дурацкое пари, условия которого требовали, чтобы он почистил коней, все еще находился на конюшне.

Увидев Дафну, Энтони остановился. Странно было уже то, что сестра сидела посреди холла, но еще более непонятным было видеть ее плачущей. Дафна никогда не плакала.

– Дафф, – нерешительно начал Энтони, слишком юный, чтобы знать, как поступить с плачущей женщиной, и гадая, сможет ли когда-нибудь научиться, – что...

Но прежде чем он успел договорить, Дафна подняла голову, и скорбное недоумение, застывшее в ее огромных карих глазах, ударило его в самое сердце словно ножом. Он замер, осознав, что в доме что-то неладно. Очень неладно.

– Он умер, – прошептала девочка. – Папа умер.

Сначала Энтони показалось, что он ослышался. Отец не может умереть! Другие люди умирают молодыми, как дядя Хьюго, но дядя Хьюго был невелик ростом и очень слаб. Ну... по крайней мере ниже ростом и более хилым, чем Эдмунд.

– Ты ошибаешься, – промямлил Энтони. – Ты, конечно, ошибаешься.

Дафна покачала головой:

– Мне Элоиза сказала. Он... он...

Энтони понимал, что в таком состоянии не стоит трясти сестру за плечи, но ничего не мог с собой поделать.

– Что с ним случилось, Дафф?

– Пчела, – прошептала она. – Его ужалила пчела.

Энтони ошеломленно уставился на сестру.

– Люди не умирают от укуса пчелы, – пробормотал он наконец хриплым, неузнаваемым голосом. – Его и раньше жалили пчелы, – добавил Энтони чуть громче. – Нас обоих. Тогда я был с ним. Мы набрали на гнездо. Меня ужалили в плечо...

Он невольно коснулся того места, которое так болело несколько лет назад.

Дафна молча непонимающе смотрела на брата.

– Тогда все обошлось, – настаивал Энтони, отчетливо слыша панические нотки в собственном голосе. Наверное, он пугает сестру, но бессилён совладать с собой. – Люди не умирают от укуса пчелы! – повторил он.

Дафна покачала головой. Взгляд ее карих глаз, казалось, принадлежал столетней старухе:

– Элоиза сама видела. Только минуту назад он стоял и улыбался. А в следующий момент уже... уже...

– Что, Дафна? Что случилось в следующий момент?!

– Умер, – ошеломленно пробормотала она.

Энтони так же ошеломленно уставился на сестру.

Он так и оставил ее в прихожей и, перепрыгивая через две ступеньки, ринулся наверх, в спальню родителей. Отец, конечно, жив! Никто не умирает от укуса пчелы! Это невозможно! Совершенное безумие! Эдмунд Бриджертон молод, крепок, силен, и какая-то жалкая пчела не могла свалить его с ног.

Однако, добравшись до верхней площадки, он по мрачным лицам молчаливых слуг сразу понял, что дело плохо.

И лица, лица, выражающие сочувствие, участие, сожаление... всю оставшуюся жизнь эти лица будут его преследовать.

Он хотел было протиснуться сквозь толпу к родительской спальне, но слуги расступались перед ним, как Красное море перед евреями, и, открыв дверь, Энтони все понял.

Мать сидела на краю кровати. Она не плакала. Не издала ни звука. Только держала отцовскую руку и медленно раскачивалась.

Отец был неподвижен. Неподвижен, как...

Энтони даже не хотел додумывать до конца.

– Мама, – выдавил он, хотя годами не называл ее так. Став учеником Итона, он обращался к ней «матушка», считая это более подходящим взрослому сыну.

Она нехотя обернулась и непонимающе нахмурилась, будто его голос доносился до нее сквозь длинный, длинный тоннель.

– Что случилось? – прошептал он.

Вайолет покачала головой, безнадежно глядя в пространство.

– Не знаю, – прошептала она. Губы так и остались приоткрытыми, словно она хотела сказать еще что-то, но забыла слова.

Энтони неуклюже шагнул вперед, снова споткнувшись о невидимое препятствие.

– Его больше нет, – прошептала мать. – Его больше нет, а я, Господи, я...

Она положила ладонь на округлый живот.

– Я сказала ему... о, Энтони... сказала ему...

Она, казалось, вот-вот разлетится на мельчайшие осколки. Перестанет существовать, и это будет для нее величайшим блаженством. Энтони проглотил обжигающие глаза и горло слезы и подошел к ней:

– Ничего, мама, ничего... все хорошо...

Но он знал, что хорошо уже больше никогда не будет.

– Я сказала ему, что это наш последний, – простонала она, рыдая на его плече. – Сказала, что больше не могу вынашивать детей. И что мы должны быть осторожны, и... о Боже, Энтони, чего бы я только не дала, чтобы он был со мной! Чтобы я смогла родить ему еще одного ребенка! Не понимаю... просто не понимаю...

Энтони молча обнимал плачущую мать. И не находил слов утешения. Бесполезно. Ничем не выразить опустошенность в душе и сердце.

Он тоже ничего не понимал.

Приехавшие к вечеру доктора объявили, что сбиты с толку. Они слышали о чем-то подобном. Но на их памяти это был первый случай, чтобы молодой и сильный мужчина умер от таких пустяков! Действительно, Хьюго, младший брат виконта, внезапно умер год назад, но это еще ни о чем не говорило. Правда, Хьюго умер в поле, однако никто не заметил на его коже укуса пчелы.

Впрочем, никто и не искал.

– Нельзя было ничего предвидеть, – повторяли доктора снова и снова, пока Энтони не захотелось придушить их всех.

Наконец ему удалось выставить их из дома и уложить мать в постель. Пришлось переселить ее в другую спальню: она просто не смогла спать в той комнате, которую много лет делила с Эдмундом. Энтони удалось утихомирить и братьев с сестрами, пообещав, что они поговорят утром, что все будет, как прежде, и он позаботится о них, как хотел бы того отец.

Только потом он вошел в комнату, где лежало тело Эдмунда, и, почти не мигая, уставился на отца. Прошло несколько часов. Он покинул комнату другим человеком, с совершенно новым видением жизни и сознанием собственной смертности.

Эдмунд Бриджертон умер в тридцать восемь лет. И Энтони просто не мог представить, что способен чем-то превзойти отца. Даже возрастом.

Глава 1

Тема повес, разумеется, уже обсуждалась в этой колонке, и автор пришел к заключению, что существуют повесы и Повесы.

Энтони Бриджертон – Повеса с большой буквы.

Просто повеса (тот, что сортом пониже) обычно молод и незрел. Он выставляет напоказ свои похождения, ведет себя как последний идиот и воображает, будто опасен для женщин.

Повеса с большой буквы (высший класс) знает, что опасен для женщин. Он не выставляет напоказ свои похождения, потому что в этом нет необходимости. Он и без того понимает, что окружающие бесконечно о нем сплетничают, и, честно говоря, предпочел бы, чтобы о нем вообще забыли.

Он знает, что именно представляет собой и что совершил; дальнейшие пересуды, по его мнению, не имеют смысла.

Он не ведет себя как идиот по той простой причине, что он вовсе не идиот (не более, чем это ожидается от всякого представителя мужского пола), он не выносит недостатков нынешнего общества, и автор не может сказать, что осуждает его.

И если все вышесказанное не дает идеальной характеристики виконта Бриджертона, самого завидного жениха этого сезона, автору следует немедленно и навсегда отложить свое перо. Единственный вопрос заключается вот в чем: будет ли сезон 1814 года именно тем, когда он наконец познает блаженство брака?

Автор считает... что нет.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
20 апреля 1814 года*

– Только не говорите мне, – заявила Кейт Шеффилд, ни к кому в особенности не обращаясь, – что она снова пишет о виконте Бриджертоне.

Ее единокровная сестра Эдвина, подняла глаза от газетного листка.

– Откуда ты знаешь?

– Хихикаешь как безумная.

Эдвина снова залилась смехом, сотрясая обитый синим дамастом диван, на котором сидели девушки.

– Видишь, – укоризненно сказала Кейт, слегка подтолкнув сестру. – Ты всегда хихикаешь, когда она пишет об очередном гнусном распутнике.

Правда, при этом Кейт улыбалась. Она обожала поддразнивать сестру. Добродушно, разумеется.

Мэри Шеффилд, мать Эдвины и мачеха Кейт, которую опекала вот уже почти восемнадцать лет, подняла глаза от вышивания и поправила очки.

– Что это вас так развеселило?

– Кейт злится, потому что леди Уистлдаун снова пишет об этом распутном виконте, – пояснила Эдвина.

– И вовсе я не злюсь, – оправдывалась Кейт, хотя ее никто не слушал.

– Бриджертон? – рассеянно осведомилась Мэри.

– Совершенно верно, – кивнула Эдвина.

– Она всегда о нем пишет.

– Думаю, ей нравится писать о распутниках, – заметила Эдвина.

– Ну разумеется! О чем ей еще писать? – удивилась сестра. – Если читателям наскучат ее статейки, никто не купит газету.

– Неправда, – возразила Эдвина. – Только на прошлой неделе она писала о нас, и, Богу известно, мы не самые интересные в Лондоне люди.

Кейт улыбнулась наивности сестры. Пусть она и Мэри не самые интересные в Лондоне люди. Но Эдвина, с ее волосами цвета сливочного масла и поразительно светлыми голубыми глазами, уже была провозглашена Несравненной сезона 1814 года. Кейт же, с ее ничем не выдающимися каштановыми волосами и карими глазами, обычно именовалась «старшей сестрой Несравненной».

Что же, бывают прозвища и похуже. По крайней мере никто еще не назвал ее «засидевшейся в старых девах сестрой Несравненной», что было бы гораздо ближе к правде. В двадцать лет, а если уж быть честной до конца, почти в двадцать один год, Кейт считалась немного староватой, чтобы наслаждаться своим первым лондонским сезоном.

Но у них просто не было иного выхода. Даже при жизни отца семья Кейт не была богатой, а спустя пять лет они и вовсе были вынуждены сильно экономить. Конечно, до работного дома им было далеко, однако приходилось считать каждый фунт и каждый пенс.

При таких стесненных обстоятельствах Шеффилды смогли наскрести денег только на одну поездку в Лондон. Нанять дом, экипаж и минимальный штат слуг обошлось в немалые деньги. Дважды потратить такую сумму они просто не имели права. И так приходилось пять лет копить, чтобы позволить себе подобную расточительность. А если девочкам не удастся поймать себе женихов на брачном рынке... что же, их никто не запрет в долговую тюрьму, но придется подумать о спокойной жизни в благородной бедности в одном из очаровательных маленьких коттеджей Сомерсета.

Поэтому девушкам пришлось стать дебютантками одновременно. И самым подходящим, по мнению Мэри, стал год, когда Эдвине исполнилось семнадцать, а Кейт – двадцать один. Мэри хотелось бы подождать еще год, пока Эдвине не будет восемнадцать, но тогда Кейт достигнет почти двадцати двух лет, и кто же тогда на ней женится?!

Кейт насмешливо улыбнулась. Она с самого начала не хотела этого сезона, зная, что такие, как она, не привлекают внимания титулованных женихов. Она недостаточно красива, чтобы компенсировать недостаток приданого, не умела жеманиться, кокетничать, семенить мелкими шажками. Не научилась и остальным вещам, о которых другие девушки, похоже, узнают еще в колыбели. Даже Эдвина, девушка добрая и искренняя, каким-то образом умела стоять, ходить и вздыхать, так, что мужчины были готовы драться за честь помочь ей перейти улицу.

Кейт же всегда стояла прямо, расправив плечи, а ходила так, словно участвовала в призовых скачках. Но почему бы нет?! Если кто-то куда-то идет, какой смысл тащиться, едва перебирая ногами?!

Что же до нынешнего лондонского сезона... ей даже город не слишком нравился. О да, она неплохо проводила время и познакомилась с достаточно приятными людьми, однако деньги утекали словно сквозь пальцы, и сознавать это было совершенно невыносимо.

Но Мэри и слушать ничего не желала.

– Выходя замуж за твоего отца, – твердила она, – я поклялась любить тебя и растить с той же заботой и вниманием, которое уделю собственному ребенку. – Я выполняю долг перед твоей бедной матушкой, упокой, Господи, ее душу. И часть этого долга – видеть тебя счастливой в семейной жизни.

– Я вполне могу быть счастлива в деревне, – упрямылась Кейт.

– Но в Лондоне куда больший выбор, чем здесь, – запротестовала Мэри.

Тут в разговор вмешалась Эдвина, заверив, что будет ужасно несчастна без нее, и поскольку Кейт не выносила, когда сестра расстраивалась, ее судьба была решена.

И вот теперь она сидит в скромно обставленной гостиной снятого на сезон дома в районе Лондона и...

Кейт лукаво огляделась.

...и не знает, чем занять себя от скуки.

Кейт выхватила газету из рук сестры.

– Кейт! – взвизгнула Эдвина, тараща глаза на крошечный треугольник газетной бумаги, оставшийся в ее руке. – Я еще не дочитала!

– Ты будешь мусолить ее целую вечность, – ухмыльнулась Кейт. – Кроме того, я хочу посмотреть, что леди Уистлдаун сказала о виконте Бриджертоне на этот раз.

Глаза Эдвины, которые обычно сравнивали с мирными шотландскими озерами, блеснули дьявольским светом:

– Ты ужасно интересуешься виконтом, Кейт. Может, что-то утаиваешь от нас?

– Глупости! Я с ним даже не знакома! А если бы нас и познакомили, я немедленно спряталась бы от него! Он из тех людей, которых нам следует избегать любой ценой. Этот человек, возможно, способен обольстить даже айсберг.

– Кейт! – воскликнула Мэри.

Кейт поморщилась. Она совсем забыла о присутствии мачехи!

– Но это правда! – настаивала она. – Я слышала, что у него женщин больше, чем песка на морском берегу.

Мэри посмотрела на падчерицу, словно решая, отвечать или нет, и, наконец заметила:

– Конечно, это не совсем подходящая тема для ваших ушей, но многие мужчины могут сказать о себе то же самое.

Кейт залилась краской. Такого она не ожидала. Однако сдаваться тоже не собиралась:

– Думаю, у него их в два раза больше, чем у всех остальных. Как бы там ни было, он куда больший распутник, чем другие мужчины. Это не тот человек, которому можно позволить ухаживать за Эдвиной.

– Но это и твой сезон, – напомнила Мэри.

Кейт ответила Мэри саркастическим взглядом. Обе отлично понимали, что если виконт решит ухаживать за одной из сестер Шеффилд, это будет не Кейт.

– Вряд ли напечатанное здесь изменит твое мнение, – пожала плечами Эдвина и нагнулась к Кейт, чтобы лучше рассмотреть статью. – Да и вообще она пишет не столько о нем, сколько рассуждает о повесах и распутниках в целом.

Глаза Кейт выхватывали из текста ключевые слова.

– Пффф! – презрительно фыркнула она. – Бьюсь об заклад, она права. Скорее всего в этом году он не женится.

– Ты всегда на стороне леди Уистлдаун, – с улыбкой пробормотала Мэри.

– Потому что она, как правило, пишет правду. Вы должны признать, что для репортера светской хроники она на редкость здравомыслящая женщина. И до сих пор верно оценивала всех тех, с кем я встречалась в Лондоне.

– По-моему, ты должна иметь собственное мнение, – беспечно заметила Мэри. – Тебе не к лицу судить об окружающих по светской хронике.

Кейт знала, что мачеха права, но признаваться в этом не хотелось. Поэтому она снова фыркнула и принялась за газетную статью.

«Светская хроника от леди Уистлдаун», несомненно, была самой интересной из всех лондонских газетных сплетен. Кейт не знала, когда леди начала писать, но слышала, что первая колонка появилась в прошлом году. Одно было ясно: кем бы ни была леди Уистлдаун, а никто не знал, кем она была, таинственная женщина-репортер явно принадлежала к высшему обществу и обладала неплохими связями. По крайней мере иначе и быть не могло. Ни один сторон-

ний наблюдатель не мог знать тех сплетен, изложение которых появлялось в ее колонке каждый понедельник, среду и пятницу.

Леди Уистлдаун была неизменно осведомлена о последних слухах и скандалах и в отличие от других не стеснялась называть имена своих героев. Например, на прошлой неделе, решив, что Кейт не идет желтое, она не постеснялась написать:

«Желтый цвет придает темноволосой мисс Кэтрин Шеффилд вид опаленного нарцисса».

Кейт не отреагировала на оскорбление: слишком часто она слышала, что человек может считаться допущенным в общество только после оскорбления, нанесенного леди Уистлдаун. Даже Эдвина, по всем меркам имевшая небывалый успех в свете, завидовала вниманию, которое уделила сестре таинственная женщина-репортер.

И хотя Кейт не особенно жаждала быть в Лондоне во время сезона, все же рассудила, что если уж участвовать в светском водовороте, лучше при этом не выглядеть полной неудачницей. Если оскорбление, нанесенное в светской колонке, – единственное ее достижение, значит, быть по сему. Кейт будет наслаждаться своими скромными триумфами.

Теперь, когда Пенелопа Фезерингтон хвасталась, что из-за атласного платья цвета мандарина ее сравнили с перезрелым цитрусом, Кейт могла театрально взмахнуть рукой и с драматичным вздохом ответить:

– Ну а я опаленный нарцисс...

– Когда-нибудь, – внезапно объявила Мэри, поправляя очки указательным пальцем, – кто-то непременно обнаружит истинное имя этой женщины, и тогда ей грозят неприятности.

Эдвина с интересом уставилась на мать:

– Ты действительно думаешь, что кто-то ее выследит? Вот уже год, как она умудряется хранить свой секрет.

– Такая известная персона не может вечно скрываться под псевдонимом, – покачала головой Мэри, тыча иголкой в вышивку и продевая сквозь ткань длинную желтую нить. – Помяните мои слова: все рано или поздно выйдет на свет божий, и тогда разразится скандал, которого в Лондоне еще не видывали.

– Ну... если бы я знала, кто она, – объявила Кейт, переворачивая страницу, – скорее всего постаралась бы стать ее лучшей подругой. Она безумно забавна. И кто бы что ни говорил, она почти всегда права.

В этот момент в комнате появился Ньютон, несколько огрузневший корги Кейт.

– Разве эта собака не должна жить во дворе? – рассердилась Мэри, но тут же вскрикнула, когда пес подполз к ее ногам и запыхтел, словно ожидая поцелуя.

– Ньютон, немедленно ко мне! – велела Кейт.

Пес с надеждой уставился на Мэри, но, не получив ответа, потрусил к Кейт, прыгнул на диван и положил передние лапы ей на колени.

– Он выпачкает тебя шерстью, – всполошилась Эдвина.

Кейт пожала плечами:

– Мне все равно.

Эдвина вздохнула, но тем не менее потрепала пса по голове и, подавшись вперед, спросила:

– Что еще тут говорится? Я так и не дошла до второй страницы.

На Кейт сарказм сестры не подействовал.

– Ничего особенного, – спокойно ответила она. – Кое-что о герцоге и герцогине Гастингс, прибывших в город в начале недели. Список блюд, подаваемых на балу у леди Данбери. По словам леди Уистлдаун, «все было на удивление вкусно». Да, и еще весьма нелестное описание платья миссис Фезерингтон, в котором та появлялась в прошлый понедельник.

– Похоже, она обожает издеваться над Фезерингтонами, – нахмурилась Эдвина.

– И неудивительно, – бросила Мэри, откладывая вышивку и вставая. – Эта женщина не сумеет выбрать цвет платья для своих девочек, даже если вокруг ее шеи обернется радуга!

– Матушка! – воскликнула Эдвина.

Кейт зажала рот рукой, стараясь не смеяться. Мэри редко выражалась с такой определенностью, но уж если скажет... попадет не в бровь, а в глаз!

– Но это правда. Она продолжает одевать младшенькую в мандариновые тона. Всякий видит, что бедняжке пошел бы голубой или зеленый оттенка мяты!

– А меня вы одели в желтое, – напомнила Кейт.

– И очень об этом сожалею. Зря я послушала продавщицу. Мне следовало бы больше доверять собственному вкусу. Ничего, перекроим его для Эдвины.

Поскольку Эдвина была на целую голову ниже Кейт и к тому же белокожей блондинкой, перекроить желтое платье особых трудов не составляло.

– Только обязательно спори оборки с рукавов, – наставляла Кейт, – иначе все поймут, что это мое бывшее платье. Кроме того, они ужасно колются. Я едва не оторвала их там же, на балу у Эшборнов.

Мэри выразительно подняла глаза к небу:

– Я поражена и благодарна за то, что ты сочла возможным сдержаться.

– А вот я поражена, но не благодарна, – лукаво усмехнулась Эдвина. – Подумай только, как расписала бы этот случай леди Уистлдаун.

– Вот уж точно, – с улыбкой согласилась Кейт. – Ты, можно сказать, открыла мне глаза. «Опаленный нарцисс обрывает свои лепестки».

– Я иду наверх, – объявила Мэри, укоризненно качая головой и грозя озорницам пальцем. – Не забывайте, что вечером мы должны ехать на бал. Наверное, и вам стоит отдохнуть. Думаю, ночь будет долгой.

Кейт и Эдвина, дружно кивнув, пообещали последовать совету Мэри. Та собрала вышивание и удалилась. Едва за ней закрылась дверь, Эдвина обернулась к Кейт:

– Ты уже решила, что наденешь сегодня?

– Пожалуй, зеленый газ. Мне следовало бы выбрать белое. Но, боюсь, этот цвет мне не идет.

– В таком случае, – заявила преданная Эдвина, – я тоже надену не белое, а голубое муслиновое.

Кейт одобритительно кивнула и опустила глаза на газету, которую все еще держала в руках, пытаясь одновременно удержать на сиденье толстяка Ньютона. Тот успел развалиться на спине и ерзал, дожидаясь, пока ему почешут брюшко.

– Только на прошлой неделе мистер Бербрук назвал тебя ангелом в голубом, тем более что это платье как раз в тон твоим глазам.

Эдвина удивленно вскинула брови:

– Мистер Бербрук действительно сказал это?! Тебе?

Кейт подняла голову.

– Конечно. Все твои поклонники пытаются передать комплименты через меня.

– Правда? Но почему?!

Кейт улыбнулась медленно и снисходительно:

– Возможно, Эдвина, это как-то связано с тем, что на музыкальном утреннике у Смайт-Смитов ты объявила всем присутствующим, что никогда не выйдешь замуж без благословения сестры.

Щеки Эдвины слегка порозовели, и она пробормотала:

– И вовсе не всем присутствующим.

– А вот это значения уже не имеет. Сплетни распространяются со скоростью лесного пожара. В то время я даже не была в комнате, а услышала обо всем ровно через две минуты после твоей тирады.

Эдвина скрестила руки на груди и громко фыркнула, в точности как старшая сестра.

– Так вот, я сказала чистую правду, и мне все равно, кто об этом знает! От меня, разумеется, ожидают, что я сделаю блестящую и успешную партию, но зачем выходить замуж за того, кто будет со мной плохо обращаться? Мне совершенно нет необходимости в таком браке. Всякий, у кого хватит мужества произвести на тебя впечатление, будет достоин моего внимания.

– Разве на меня так сложно произвести впечатление?

Сестры переглянулись и одновременно произнесли:

– Почти невозможно.

Но хотя Кейт смеялась вместе с Эдвиной, в душе не умолкал назойливый голосок совести. Все три дамы Шеффилд знали, что именно Эдвина поймает аристократа и выйдет замуж за огромное состояние. Именно от Эдвины зависит, чтобы семья не жила в благородной бедности. Эдвина была красавицей, тогда как Кейт...

Кейт была Кейт. И ничего больше.

Но Кейт не завидовала. Не протестовала. Красота Эдвины была просто жизненным фактом. И Кейт приходилось смиряться с некоторыми неоспоримыми истинами. Танцуя вальс, она постоянно пыталась вести партнера. Она всегда будет бояться грозы, как бы ни уверяла себя, что это глупое ребячество. И что бы она ни надела, как бы ни причесалась, сколько бы ни нащипывала щеки, чтобы они выглядели румяными, все равно никогда не будет такой хорошенькой, как Эдвина.

Кроме того, Кейт не была уверена, что ей нравится то внимание, которое уделяли Эдине назойливые поклонники. Да и не по душе ей было сознание того, что ей придется выйти замуж по расчету, чтобы обеспечить мать и сестру.

– Эдвина, – серьезно заверила Кейт, – тебе вовсе ни к чему выходить замуж за того, кто тебе не нравится. И ты это знаешь.

Эдвина молча кивнула, и сестре показалось, что она вот-вот заплачет.

– Если решишь, что ни один холостой джентльмен в этом городе недостаточно хорош для тебя, значит, будь что будет. Мы просто вернемся в Сомерсет и станем довольствоваться обществом друг друга. Мне лично больше никого и не нужно.

– Мне тоже, – прошептала Эдвина.

– А если ты найдешь мужчину, которого полюбишь, мы с Мэри будем в восторге. Ты совершенно спокойно можешь оставить нас вдвоем. Как тебе известно, мы прекрасно ладим.

– Но вдруг и ты найдешь себе жениха? – предположила Эдвина.

– Вполне возможно, – неохотно признала Кейт, скривив губы в легкой улыбке.

Она понимала, что скорее всего это неправда. Конечно, она не хотела всю жизнь оставаться старой девой, но очень сомнительно, что в Лондоне для нее найдется муж.

– Вероятно, один из твоих обезумевших поклонников обратится ко мне, как только поймет, что ты недосыгаема, – поддела Кейт сестру.

Эдвина ударила ее подушкой:

– Не будь глупой!

– Все нет! – запротестовала Кейт.

И она была права. Откровенно говоря, это вполне возможный исход их поездки сюда и единственный способ, которым она сумеет найти мужа в городе.

– Знаешь, за какого человека я хотела бы выйти замуж? – мечтательно выдохнула Эдвина.

Кейт покачала головой.

– За ученого.

– Ученого?!

– Ученого, – твердо повторила Эдвина.

Кейт смущенно откашлялась:

– Не уверена, что ты найдешь много таких в Лондоне, да еще во время сезона.

– Знаю, – уныло ответила Эдвина. – Тебе ведь известно, что я настоящий книжный червь.

И с куда большим удовольствием проводила бы время в библиотеке, вместо того чтобы выставлять себя напоказ в Гайд-парке. И хотела бы прожить жизнь с человеком, которому так же, как и мне, нравятся науки.

– Ты права. Хммм...

Мысли Кейт лихорадочно метались. Похоже, Эдвина вряд ли найдет ученого и в Сомерсете.

– Ничего, все будет хорошо! – весело заверила Эдвина. – Я вполне удовольствуюсь ученым-любителем.

Кейт облегченно вздохнула. Они наверняка сумеют найти в Лондоне жениха, который любит читать.

– И знаешь что? – добавила Эдвина. – Нельзя судить о книге по обложке. Очень многие люди увлекаются науками. Леди Уистлдаун толкует, что даже виконт Бриджертон может быть ученым в душе.

– Прикуси язычок, Эдвина. Ты не должна иметь ничего общего с виконтом Бриджертоном. Все знают, что он распутник худшего толка. Самый ужасный распутник во всем Лондоне! Во всей стране!

– Знаю. Я всего лишь привела его в качестве примера. Кроме того, вряд ли он собирается жениться в этом году. Так утверждает леди Уистлдаун, а ты сама сказала, что она почти всегда права.

Кейт погладила сестру по руке:

– Не беспокойся, мы найдем тебе хорошего мужа. Но только не... не... не виконта Бриджертона!

В этот самый момент предмет их беседы вместе с двумя из трех младших братьей отдыхал в «Уайтс», наслаждаясь послеобеденным виски.

Энтони Бриджертон развалился в кожаном кресле, задумчиво рассматривая на просвет бокал с янтарной жидкостью. Повертел его в руках и объявил:

– Я подумываю жениться.

Бенедикт Бриджертон по привычке, ненавидимой матерью, пьяно раскачивавшийся на задних ножках стула, потерял равновесие и, перелетев через спинку, приземлился на полу.

Колин Бриджертон поперхнулся и стал задыхаться.

К счастью для него, Бенедикт вовремя пришел в себя и громко хлопнул брата по спине. Зеленая оливка, вылетевшая из глотки Колина, ударилась о стол, едва не задев в полете ухо Энтони.

Тот не обратил внимания на эту выходку, вполне понимая, что столь внезапное заявление явилось чем-то вроде сюрприза.

Вернее, не «вроде». Скорее полным, абсолютным и совершенным сюрпризом.

Энтони понимал, что не вполне соответствует образу человека, решившего остепениться. Последние десять лет он вел распутную жизнь, срывая цветы удовольствия, где только мог. Ибо ему, лучше чем сверстникам, было известно, что жизнь коротка и предназначена для одних наслаждений. О, у него имелся определенный кодекс чести. Он никогда не совращал девушек благородного происхождения. Все, кто имел право требовать от него женитьбы, были вне игры.

Кроме того, Энтони, сам имевший четырех сестер, испытывал некоторое уважение к доброй репутации порядочных девушек. Однажды он едва не дрался на дуэли за одну из сестер, чести которой, по его мнению, было нанесено оскорбление. Что же до остальных... у него на

лбу выступал холодный пот при одной мысли о том, что его сестры способны связаться с человеком, имеющим такую же репутацию, как у их старшего брата.

Нет, ему, разумеется, и в голову не приходило обесчестить младшую сестру джентльмена.

Что же до остальных женщин, вдов и актрис, прекрасно знавших, чего они хотят и на что идут, он наслаждался их компанией, причем без всяких ограничений. С того дня как Энтони окончил Оксфорд и уехал в Лондон, он никогда не обходился без любовницы. Впрочем, иногда у него бывало и две содержанки одновременно.

Он участвовал почти во всех скачках, которые мог предложить ему свет, боксировал в клубе «Джентльмена Джексона» и выиграл больше партий в карты, чем мог сосчитать. И целых десять лет провел в бессмысленных поисках наслаждений, ограниченных только всепоглощающим чувством долга по отношению к семье.

Смерть Эдмунда Бриджертона была внезапной и неожиданной. Перед кончиной он ничего не успел наказать старшему сыну. Но Энтони был уверен, что отец попросил бы его заботиться о матери, братьях и сестрах с той же любовью и вниманием, которые проявлял сам Эдмунд по отношению к своей семье.

Поэтому в перерывах между балами, вечеринками, скачками и посещением клубов Энтони нашел время послать братьев в Итон и Оксфорд, посещать совершенно безумное количество музыкальных утренников, устраиваемых сестрами (истинный подвиг, поскольку у троих из четверых вообще не было слуха), и строго следить за финансами семьи. Имея трех братьев и четырех сестер, он считал своим долгом накопить достаточно денег, чтобы обеспечить будущее каждого.

Ближе к тридцати годам он вдруг осознал, что все больше времени уделял своему наследству и семье и все меньше – погоне за наслаждениями. И что ему это нравится. Он по-прежнему содержал любовниц, но никогда двух одновременно. И обнаружил, что больше не испытывает необходимости участвовать в каждой скачке или оставаться на балу допоздна, чтобы выиграть очередную партию в карты.

Но его репутацию уже ничего не могло ухудшить. Впрочем, звание самого прославленного повесы во всей Англии имело свои преимущества. Взять хотя бы то, что его почти повсеместно боялись.

Но теперь пришло время жениться. Ему необходимо остепениться, обзавестись наследником. Нужно же кому-то передать титул! Правда, он испытывал горькое сожаление и, возможно, некоторые угрызения совести из-за того, что не доживет до совершеннолетия сына. Но что он мог сделать? Он был первенцем виконта Бриджертона в восьмом поколении. И его долг по отношению к династии Бриджертонов – плодиться и размножаться.

Кроме того, он находил утешение в сознании того, что в живых остаются три любящих брата. Они позаботятся, чтобы его сын был воспитан в любви и принципах чести и благородства, знакомых и дорогих каждому Бриджертону. Его сестры будут обожать мальчика, а матушка – баловать...

Энтони улыбнулся при мысли о своей большой, шумной семейке. Его сын не будет нуждаться в отце. И без него есть кому любить малыша!

А другие дети, которые у него родятся... возможно, они не запомнят отца. Когда он умрет, они будут совсем еще маленькими.

Энтони не мог не отметить, что из всех молодых Бриджертонов он был наиболее опечален и потрясен внезапной гибелью отца.

Энтони глотнул свой скотч-виски и, распрямив плечи, постарался выбросить из головы неприятные думы. Нужно сосредоточиться на цели, а именно – поисках жены.

Будучи в душе педантом и человеком организованным, он заранее составил мысленный список качеств, требуемых в невесте. Прежде всего она должна быть довольно привлекательной. Ослепительная красота совершенно не обязательна, хотя это было бы неплохо, но если

с ней придется ложиться в постель, это обстоятельство облегчит ему задачу воспроизведения рода Бриджертонов.

Далее, она не должна быть глупой. Это, пожалуй, самое сложное требование. До сих пор умственные способности лондонских дебютанток не производили на него особенного впечатления. Когда он в последний раз попытался вовлечь в беседу молодую девицу, только что покинувшую школьную скамью, оказалось, что она не способна обсуждать что-либо, кроме еды (в руке она как раз держала тарелку с клубникой) и погоды. Причем она даже не поняла, о чем идет речь: когда Энтони спросил, не находит ли она, что погода обещает быть суровой, она ответила, что не знает, поскольку никогда не слышала слова «суровый».

Конечно, он может избегать разговоров с женой, не отличающейся остротой ума, но не желает иметь глупых детей!

Кроме того – и это было самым важным пунктом, – она не должна быть женщиной, в которую он может влюбиться. И это последнее правило нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах.

Нет, он не был циником и знал о существовании истинной любви. Всякий находившийся в одной комнате с его родителями, знал, что такая любовь существует.

Но любовь – это проблема, появления которой необходимо избегать всеми силами. И он отнюдь не жаждал, чтобы это чудо его посетило.

Поскольку Энтони привык получать все, что хотел, то ничуть не сомневался, что сумеет найти привлекательную, умную женщину, в которую никогда не влюбится. И что тут особенного? Скорее всего он вообще никогда не обретет любви всей своей жизни, даже если станет ее искать. Большинству мужчин это не удавалось.

– Господи, Энтони. Что ты так хмуришься? Надеюсь, не на эту оливку? Я отчетливо видел, что она тебя даже не задела!

Голос Бенедикта вернул его к реальности, и Энтони тряхнул головой, прежде чем ответить.

– Все в порядке. В полном порядке.

Конечно, он ни с кем не делился мыслями о собственной смертности. Даже с братьями. Кто захочет выставлять на свет такие вещи? Черт, да если бы кто-то пришел к нему и рассказал нечто подобное, Энтони, вероятно, жестоко посмеялся бы над ним.

Но никто не способен осмыслить глубины той связи, которая существовала между ним и отцом. И возможно, никто не понял бы чувств Энтони, твердо убежденного в том, что он не проживет дольше своего отца. Эдмунд был для него всем, и он стремился стать таким же прекрасным человеком, как его отец, и даже зная, что это вряд ли возможно, все равно пытался. Достичь большего, чем достиг Эдмунд, казалось ему абсолютно невозможной задачей.

Для него отец был величайшим человеком из тех, кого он знал, и, вполне возможно, величайшим человеком, который когда-либо жил на земле. И он подумать не смел, чтобы превзойти отца: подобные мысли казались верхом тщеславия.

Что-то случилось в ту ночь, когда умер отец. В ту ночь, когда он оставался в родительской спальне наедине с мертвецом, глядя на него и отчаянно пытаясь вспомнить каждое мгновение, которое они делили. До чего же легко забыть всякие мелочи: как Эдмунд сжимал руку Энтони, когда тот нуждался в ободрении. Как мог наизусть продекламировать песню Балтазара «Ни вздоха больше» из «Много шума из ничего», не потому, что считал ее исполненной особенного смысла, а просто потому, что она ему нравилась.

Энтони вышел из комнаты, едва первые розовые стрелы рассвета окрасили небо. Каким-то образом он уже понимал, что его дни сочтены, в точности как дни отца.

– Выкладывай! – потребовал Бенедикт, снова прерывая течение его нелегких размышлений. – Я не предлагаю пенни за твои мысли, поскольку полагаю, что они и этого не стоят, но о чем ты думаешь?

Энтони сел прямее, полный решимости вернуться к неотложному делу. В конце концов, ему необходимо выбрать невесту, а это проблема серьезная.

– Кто считается бриллиантом этого сезона? – осведомился он.

Братья немного помедлили. Первым высказался Колин:

– Эдвина Шеффилд. Ты наверняка ее видел. Миниатюрная блондинка с голубыми глазами. Девушку можно опознать по овцеподобной толпе влюбленных поклонников, повсюду следующих за ней.

Энтони проигнорировал довольно неудачные претензии брата на саркастическое остроумие.

– Мозги у нее есть?

Колин недоуменно захлопал глазами, словно ему никогда не приходило в голову, что и у женщин могут быть мозги.

– По-моему, да. Однажды я слышал, как она обсуждала мифологию с Миддлторпом и, похоже, брала верх в споре.

– Прекрасно, – кивнул Энтони, со стуком ставя бокал на стол. – Тогда я женюсь на ней.

Глава 2

В среду вечером на балу у Хартсайдов виконт Бриджертон был замечен танцующим с некой незамужней молодой леди. Такое поведение может быть классифицировано только как «поразительное», поскольку Бриджертон обычно избегает порядочных молодых мисс с упорством, которое было бы впечатляющим, если бы не приводило в отчаяние всех мамаш, жаждущих поймать подходящего жениха для своих дочерей.

Неужели виконт прочел предыдущую колонку автора и в извращенной манере всего мужского пола, к которому принадлежит вышеупомянутый образец, решил доказать неправоту вышеупомянутого автора?

Похоже, автор приписывает себе больший авторитет, чем имеет на самом деле, но известно, что мужчины принимали знаменательные решения, основываясь на куда более слабых доводах.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
22 апреля 1814 года*

К одиннадцати часам вечера все опасения Кейт сбылись.

Энтони Бриджертон пригласил Эдвину на танец.

Хуже того, Эдвина приняла приглашение.

Хуже того, Мэри глазела на пару с таким видом, словно готова была тут же договориться со священником о дне венчания.

– Немедленно прекратите! – прошипела Кейт, ткнув мачеху локтем в ребра.

– Что именно?

– Так на них смотреть!

– Как «так»? – удивилась Мэри.

– Так, словно вы уже составляете меню свадебного завтрака.

Мэри охнула и покраснела. Румянец был того рода, который именуют виноватым.

– Мэри!

– Что же, может, так оно и есть, – призналась мачеха. – И что, спрашивается, в этом плохого? Он будет превосходной партией для Эдвины.

– Вы слышали, о чем мы говорили сегодня в гостиной? Достаточно неприятно, что рядом с Эдвиной крутятся негодяи и распутники всех мастей. Вы не представляете, сколько времени мне потребовалось, чтобы отсортировать порядочных поклонников от распутников, так и норовящих соблазнить молодую девушку. Но Бриджертон! – Кейт содрогнулась. – Худшего развратника нет во всем Лондоне! Не хотите же вы, чтобы она вышла замуж за такого человека!

– Не смей указывать мне, что я могу и чего не могу, Кэтрин Грейс Шеффилд, – резко бросила Мэри, выпрямляясь во весь рост, хотя даже сейчас оставалась на голову ниже Кейт. – Я все еще твоя мать! Ну, даже если и мачеха, это тоже немало!

Кейт немедленно ощутила себя последней дрянью. Мэри заменила ей мать и никогда не отдавала предпочтения Эдвине. Она укладывала Кейт спать, рассказывала сказки, целовала и обнимала, помогла пройти через сложный период взросления. Единственное, чего она никогда не делала, – не просила Кейт называть ее мамой.

– Это тоже немало, – тихо повторила Кейт, пристыженно опустив глаза. – И вы моя мать. Для меня это очень много значит.

Мэри долго смотрела на падчерицу, прежде чем отчаянно заморгать.

– О, дорогая, – выдавила она, роясь в ридикюле в поисках платка, – теперь ты превратила меня в лейку.

– Простите, – пробормотала Кейт. – И скорее повернитесь, чтобы никто ничего не заметил. Вот так.

Мэри вытащила носовой платок и промокнула глаза, такие же голубые, как у Эдвины.

– Я действительно люблю тебя, Кейт. Ты ведь это знаешь, правда?

– Конечно! – воскликнула Кейт, потрясенная тем, что Мэри вообще может спрашивать такое. – И вы знаете... знаете... что я... я тоже...

– Знаю, – кивнула Мэри, глядя ее руку. – Конечно, знаю. Просто, когда соглашаешься стать матерью ребенку, которого родила не сама, ответственность возрастает вдвое. Ты должна трудиться еще упорнее, чтобы обеспечить этому ребенку счастье и процветание.

– О, Мэри, я так люблю вас! И Эдвину тоже.

При упоминании имени Эдвины обе повернулись и уставились в центр зала, где последняя как раз танцевала с виконтом. Эдвина, как обычно, была миниатюрным видением неотразимой прелести. Светлые волосы забраны наверх, несколько прядей обрамляют ее хорошенькое личико, а фигура – истинное воплощение грации и изящества.

Кейт с раздражением отметила, что виконт ослепительно красив. Одетый просто, в черный фрак с белой сорочкой, он, очевидно, отвергал яркие тона, ставшие популярными среди щеголей и фатов высшего света. Высокий, с гордой осанкой и гривой густых каштановых локонов, падавших на лоб, он выглядел истинным английским аристократом, каким и должен быть настоящий мужчина.

– Красивая пара, не так ли? – пробормотала Мэри.

Кейт прикусила язык. Прикусила в полном смысле этого слова.

– Он несколько высоковат для нее, но вряд ли это может стать непреодолимым препятствием, как ты считаешь?

Кейт с такой силой сжала кулаки, что ощутила, как ногти вонзились в ладони. Даже лайковые перчатки не послужили защитой.

Губы Мэри растянулись в довольно коварной, по мнению Кейт, улыбке. Она ответила подозрительным взглядом.

– Он хорошо танцует. Не находишь? – продолжала Мэри.

– Он не женится на Эдвине! – взорвалась Кейт.

Улыбка Мэри стала еще шире, мачеха проговорила:

– Я все гадала, на сколько хватит твоего терпения.

– Я и так молчала куда дольше, чем хотелось бы! – отпарировала Кейт, буквально отчеканивая каждое слово.

– Это было ясно с самого начала.

– Мэри, вы знаете, что он не тот человек, которого мы хотели бы для Эдвины.

Мачеха слегка склонила голову набок и подняла брови:

– Насколько я понимаю, речь идет о том, какого человека хочет сама Эдвина?

– В любом случае он не годится в мужья! – запальчиво ответила Кейт. – Только сегодня днем она говорила, что мечтает стать женой ученого. Ученого!

Она кивком показала на темноволосого кретина, танцевавшего с сестрой:

– По-вашему, он похож на ученого?

– Нет, но и ты не выглядишь талантливой акварелисткой, хотя я знаю, что так оно и есть, – злорадно усмехнулась Мэри, чем окончательно вывела Кейт из себя.

– Допускаю, – процедила она, – что не стоит судить о человеке исключительно по внешности, но вы должны согласиться: исходя из того, что мы о нем слышали, вряд ли он проводит свободное время, согнувшись над пыльными книгами в библиотеке.

– Возможно, нет, – протянула Мэри, – но в начале вечера мы прекрасно поболтали с его матерью.

– Его матерью? – не сразу поняла Кейт. – Какое отношение имеет она ко всему этому?

Мэри пожала плечами:

– Трудно поверить, чтобы столь деликатная, утонченная леди могла воспитать негодяя и распутника, какова бы ни была его репутация в обществе.

– Но, Мэри...

– Когда сама станешь матерью, – перебила она, – поймешь, что я хочу сказать.

– Но...

– Я уже говорила тебе, – продолжала Мэри, чей решительный тон указывал на нежелание продолжать прежнюю тему, – как прелестно ты выглядишь в зеленом газе? Я так рада, что мы его выбрали!

Кейт недоуменно оглядела себя, гадая, с чего бы это Мэри заговорила о нарядах.

– Цвет так тебе идет! Леди Уистлдаун не назовет тебя опаленной травинкой в своей пятничной колонке!

Кейт растерянно уставилась на Мэри. Может, мачеха перегрелась? В зале слишком много народа, и поэтому нестерпимо душно, да еще горит столько свечей!

Но тут она ощутила, как Мэри безжалостно тычет пальцем ей в плечо, и поняла: что-то затевается.

– Мистер Бриджертон! – неожиданно воскликнула Мэри, на миг превратившаяся в восторженную молодую девушку.

Охваченная ужасом, Кейт резко повернула голову и увидела приближавшегося к ним поразительно красивого мужчину. Поразительно красивого мужчину, поразительно похожего на виконта, танцевавшего в данный момент с ее сестрой.

Она судорожно сглотнула, боясь, что сейчас у нее от удивления отвиснет челюсть, а это уже совсем неприлично!

– Мистер Бриджертон! – повторила Мэри. – Как приятно вновь увидеть вас! Это моя дочь Кэтрин.

Он взял ее вялую руку и едва коснулся губами пальцев. Прикосновение было таким легким, отчего Кейт вдруг показалось, что поцелуя вообще не было.

– Мисс Шеффилд, – пробормотал он.

– Кейт, – продолжала Мэри, – это мистер Колин Бриджертон. Я познакомилась с ним сегодня, когда беседовала с его матерью, леди Бриджертон.

Она повернулась к Колину и, просяя, добавила:

– Такая прелестная леди!

– Мы тоже так думаем, – широко улыбнулся он.

Мэри хихикнула! В самом деле хихикнула! Кейт просто ушам не верила.

– Кейт, знаешь, мистер Бриджертон – брат виконта, того, что сейчас танцует с Эдвиной, – уточнила она без всякой необходимости.

– Я так и подумала, – сухо сообщила Кейт.

Колин Бриджертон бросил на нее косой взгляд, и она тут же поняла, что от него не укрылся легкий сарказм ее тона.

– Счастлив познакомиться, мисс Шеффилд, – вежливо заметил он. – Надеюсь, что вы уделите мне один из танцев.

– Я... конечно. – Она откашлялась. – Какая честь для меня!

– Кейт, – осторожно подтолкнула ее Мэри, – покажи мистеру Бриджертону свою бальную карточку.

– О, ну да, разумеется.

Кейт пошарила в поисках карточки, привязанной к запястью зеленой ленточкой. Тот факт, что она была вынуждена нашаривать что-то привязанное к телу, несколько встревожил, но Кейт решила винить в своей нервозности внезапное и неожиданное появление доселе

неведомого брата Бриджертона и тот неприятный факт, что даже в спокойном состоянии она отнюдь не могла считаться самой грациозной девушкой в этой комнате.

Колин вписал свое имя напротив названия одного из танцев и спросил, не хочет ли она пройти вместе с ним к столику с лимонадом.

– Идите, идите, – вмешалась Мэри, прежде чем Кейт успела ответить.

– Я могу принести тебе стакан, – вызвалась Кейт, пытаясь понять, удастся ли смерить мачеху уничтожающим взглядом, так чтобы мистер Бриджертон ничего не заметил.

– О, это совсем не обязательно! Пожалуй, мне стоит вернуться к дамам своего возраста. – Мэри лихорадочно завертела головой, пока не заметила знакомое лицо. – О, смотрите, это миссис Фезерингтон. Я должна идти. Порция! Порция!

Кейт с тоской посмотрела вслед быстро удалявшейся мачехе, прежде чем обернуться к мистеру Бриджертому.

– Думаю, – сухо заметила она, – матушка не хочет никакого лимонада.

В изумрудно-зеленых глазах Колина сверкнула веселая искорка:

– Либо вы правы, либо она намеревается добежать до Испании, чтобы собственноручно собрать лимоны.

Кейт невольно рассмеялась. Она вовсе не собиралась симпатизировать мистеру Колину Бриджертому. И вообще не слишком хорошо относилась к Бриджертонам после всего, что писали в газетах о виконте. Но, если быть честной с собой, несправедливо судить человека по грехам его брата. Поэтому она вынудила себя слегка расслабиться.

– А вы? Хотите пить или пригласили меня из вежливости? – выпалила она.

– Я всегда вежлив, – коварно улыбнулся он, – но на этот раз умираю от жажды.

При виде убийственного сочетания этой улыбки и красивых глаз Кейт едва не застонала.

– Значит, вы тоже повеса, – со вздохом констатировала она.

Колин буквально подавился: непонятно чем, но все же подавился.

– Прошу прощения?

Кейт залилась краской, с ужасом осознав, что высказалась вслух.

– Нет, это я должна просить у вас прощения. Пожалуйста, извините меня. С моей стороны это неслыханная грубость.

– Нет-нет, – весело заверил Колин, явно заинтересованный ее речами. – Умоляю вас, продолжайте.

Кейт с трудом сглотнула. Выхода не было – свести все к шутке? Невозможно.

– Я просто... – Она откашлялась: – Если быть откровенной...

Колин кивнул. Ехидная улыбочка лучше всяких слов говорила, что он не ждет от нее ничего, кроме откровенности.

Кейт снова откашлялась. Ситуация становится абсурдной! Она уже не говорит, а квакает, словно жабу проглотила!

– Просто я посчитала, что вы похожи на брата... вот и все.

– На брата?

– На виконта, – уточнила она, хотя не видела в этом необходимости.

– У меня три брата, – пояснил Колин.

– Вот как, – пробормотала Кейт, чувствуя себя полной дурой. – Мне очень жаль.

– Мне тоже, – с чувством высказался он. – Братья по большей части ужасно надоедливы и действуют на нервы.

Кейт пришлось кашлянуть, чтобы скрыть возглас удивления.

– Какое счастье, что вам не вздумалось сравнить меня с Грегори! – с драматическим вздохом облегчения воскликнул Колин, искоса поглядывая на нее. – Ему всего тринадцать. – На этот раз он улыбнулся одними глазами. И Кейт поняла, что Колин просто издевается над ней. Этот человек вовсе не желает зла братьям.

– Вы весьма преданы семье, не так ли? – внезапно спросила она.

Эти смеющиеся глаза мгновенно стали серьезными.

– Полностью и абсолютно.

– Совсем, как я, – многозначительно заметила Кейт.

– И это означает...

– Это означает, – пояснила она, отчетливо понимая, что не мешало бы попридержать язык, – что я никому не позволю разбить сердце моей сестры.

Колин молча повернул голову в сторону брата и Эдвины, которые как раз заканчивали танец.

– Понятно, – пробормотал он наконец.

– Вы действительно понимаете, о чем я?

– Разумеется.

Они подошли к столу с лимонадом, и Колин вручил Кейт стакан. Сегодня вечером она уже выпила три стакана, факт, о котором была прекрасно осведомлена Мэри, когда настаивала на четвертом. Но в бальном зале было ужасно жарко, и Кейт снова хотелось пить.

Колин лениво сделал глоток и принялся рассматривать Кейт поверх стакана.

– Мой брат решил остепениться и завести семью, – наконец сообщил он.

Кейт решила, что в эту игру вполне могут играть двое. Она медленно пригубила лимонад, прежде чем ответить:

– Это действительно так?

– Кому и знать, как не мне!

– Говорят, он повеса и распутник.

Колин оценивающе оглядел ее:

– Это правда.

– Трудно представить, что человек, имеющий такую репутацию, согласится довольствоваться одной женщиной и найдет счастье в браке.

– Похоже, вы много размышляли над подобным сценарием, мисс Шеффилд.

Кейт ответила прямым искренним взглядом.

– Ваш брат не первый человек сомнительного поведения, ухаживающий за моей сестрой. И, заверяю вас, я желаю Эдвине только счастья.

– Но думаю, каждая женщина рада найти счастье в браке с богатым и титулованным джентльменом. Разве лондонские сезоны не существуют именно для этого?!

– Возможно, – кивнула Кейт. – Но боюсь, такие умозаключения не имеют отношения к настоящей проблеме.

– Какой именно?

– Дело в том, что муж может разбить сердце жены с куда большей легкостью, чем обычный поклонник, – усмехнулась Кейт. – А вы так не считаете?

– Трудно сказать, поскольку я никогда не был женат.

– Стыдно, стыдно, мистер Бриджертон. Так ловко уклониться от чистосердечного ответа! Этого я от вас не ожидала!

– Правда? А я уже было возгордился собой. Похоже, вы загнали меня в угол.

– О, думаю, это просто невозможно, – покачала головой Кейт, допивая лимонад.

Стакан был совсем маленький: леди Хартсайд, хозяйка дома, славилась невероятной скупостью.

– Вы слишком великодушны, – заметил он.

Она улыбнулась на этот раз вполне искренне.

– Меня редко обвиняют в великодушии, мистер Бриджертон.

Он рассмеялся. Громко. Весело. Прямо посреди бального зала. Кейт неловко поежилась, осознав, что они вдруг стали объектом любопытных взглядов окружающих.

– Вам следует непременно познакомиться с моим братом, – весело объявил он.

– С виконтом? – недоверчиво переспросила она.

– Вам может понравиться и общество Грегори, – дружелюбно предложил Колин. – Но, как я сказал, ему всего тринадцать, и он вполне способен подложить лягушку вам на стул.

– А виконт?

– Вряд ли он отважится класть вам на стул лягушек, – заверил Колин с абсолютно серьезным видом.

Кейт сама не знала, как ей удалось сдержать неуместный смешок и ответить без улыбки:

– Понятно. У него множество достойных качеств.

– Он не так уж плох, – ухмыльнулся Колин.

– Поверьте, вы сняли груз с моей души. Немедленно начинаю составлять меню свадебного завтрака.

Колин открыл рот и потрясенно воззрился на Кейт.

– Я не хотел... вам не следует... пожалуй, это несколько преждевременный шаг...

Наконец Кейт сжалась над ним и сказала:

– Я пошутила.

Колин слегка покраснел.

– Ну конечно.

– А теперь прошу извинить, но мне нужно идти.

Колин вскинул брови:

– Надеюсь, вы не покинете нас так рано, мисс Шеффилд?

– Конечно, не покину.

Но не могла же она сказать ему, что ей срочно нужно в туалет! Четвертый стакан лимонада, очевидно, был лишним.

– Я обещала встретиться с подругой.

– Счастлив был познакомиться, – учтиво поклонился Колин. – Могу я проводить вас?

– Нет, спасибо, я сама найду дорогу.

Улыбнувшись на прощание, она вышла из зала.

Колин задумчиво проводил ее взглядом и направился к старшему брату. Тот стоял, прилонившись к стене, скрестив руки на груди, и почти злобно рассматривал собравшихся.

– Энтони! – окликнул Колин брата и хлопнул его по спине. – Как твой танец с прелестной мисс Шеффилд?

– Сойдет, – сухо ответил Энтони.

Оба знали, что это означает.

– В самом деле? – Губы Колина едва заметно дернулись. – В таком случае тебе стоит познакомиться с ее сестрой.

– Прошу прощения, о чем ты?

– С ее сестрой, – со смехом повторил Колин. – Тебе просто необходимо познакомиться с ее сестрой.

Двадцать минут спустя Энтони уже знал от Колина всю историю Эдвины Шеффилд. Похоже, старшая сестра была нешуточным препятствием на пути к руке и сердцу Эдвины.

Как выяснилось, красавица не собиралась выходить замуж без ее одобрения. По словам Колина, всему свету было известно, что неделю назад Эвина публично объявила об этом на музыкальном утреннике у Смайт-Смитов. Братья Бриджертон пропустили этот знаменательный момент, поскольку избегали музыкальных утренников у Смайт-Смитов.

Старшая сестра Эдвины, некая Кэтрин Шеффилд, более известная, как Кейт, тоже была дебютанткой этого сезона, хотя, если верить слухам, ей уже исполнился двадцать один год. Подобное совпадение заставляло предположить, что Шеффилды стеснены в средствах, что,

собственно говоря, вполне подходило Энтони. Ему не нужна невеста с большим приданым, а невеста без отсутствия одного наверняка будет больше зависеть от мужа.

Энтони считал необходимым использовать все преимущества.

В отличие от Эдвины старшая сестра не взяла высший свет приступом. Если верить Колину, к ней все прекрасно относились, но бедняжка ни в коем случае не могла соперничать с ослепительной красотой младшей сестры. Высокая и темноволосая в отличие от миниатюрной блондинки Эдвины, она также была лишена поразительной грации и изящества последней. Опять же, если прислушаться к Колину, который, только что прибыв в столицу, уже успел стать настоящим источником последних слухов и сплетен, немало джентльменов начинали прихрамывать после танца с Кэтрин Шеффилд.

Вся ситуация казалась Энтони несколько абсурдной. Кто и когда слышал о девушке, которой требуется одобрение старшей сестры? Отец, мать и даже старший брат – это вполне естественно. Но сестра? Да это просто невысказано! Кроме того, весьма странно, что Эдвина ждет советов от Кэтрин, которая совершенно не разбирается в тонкостях этикета и жизни высшего общества.

Но Энтони вовсе не хотелось вновь пускаться на поиски кандидаток, поэтому он просто решил, что скорее всего Эдвина очень предана семье. И поскольку семья была для него всем, это соображение явилось еще одним показателем того, что из нее выйдет превосходная жена.

– Значит, остается всего лишь очаровать старшенькую. Интересно, насколько это сложно?

– Ты без труда покоришь ее, – предсказал Колин, уверенно улыбаясь. – Без всякого труда. Застенчивая старая дева. Возможно, ей никогда не уделял внимания такой человек, как ты. Она и не поймет, откуда гром грянет!

– Я не желаю, чтобы она влюблялась в меня, – парировал Энтони. – Всего лишь хочу, чтобы она согласилась на мой брак с Эдвиной.

– У тебя все получится, – заверил Колин. – Не может не получиться. Я поговорил с ней сегодня вечером, и она, можно сказать, пела тебе дифирамбы.

– Прекрасно.

Энтони отошел от стены и решительно осмотрелся:

– Итак, где она? Настало время нас познакомиться.

Колин, хмурясь, обежал глазами зал, но лицо его тут же просветлело:

– А вот и она! Идет в нашу сторону. Какое поразительное совпадение!

Энтони постепенно начинал убеждаться, что все происходящее в радиусе пяти ярдов от младшего брата никак не может быть совпадением, но тем не менее проследил за направлением его взгляда.

– Которая из этих женщин?

– Та, что в зеленом, – ответил Колин, едва заметно кивнув в сторону Кейт.

Наблюдая, как девушка в зеленом платье пробирается сквозь толпу, Энтони вдруг понял, что таинственная Кэтрин совсем не такая, какую он ожидал увидеть. И уж, конечно, ничуть не походит на амазонку – предводительницу дикарей. Она всего лишь кажется высокой по сравнению с Эдвиной, рост которой едва достигал пяти футов. Мало того, у нее весьма приятное лицо, густые светло-каштановые волосы и темные глаза. Белая кожа, розовые губки и уверенная походка, которой нельзя не восхищаться.

Конечно, она никогда не будет считаться бриллиантом чистой воды, как ее сестра, но вполне способна найти себе хорошего мужа. По крайней мере Энтони не видел к этому никаких препятствий. Скорее всего после женитьбы на Эдвиной он обеспечит Кэтрин приданым: это самое малое, что он может сделать для свояченицы.

Колин внезапно ринулся вперед, проталкиваясь сквозь толпу:

– Мисс Шеффилд! Мисс Шеффилд!

Энтони последовал за братом, готовый изобразить очаровательную улыбку. Кто она такая? Жалкая старая дева! Да уже через неделю она будет шелковая!

– Мисс Шеффилд, – продолжал Колин, – какое счастье снова видеть вас!

Кейт ответила озадаченным взглядом, что было вполне понятно: Колин делал вид, будто случайно наткнулся на нее, когда все знали и видели, что он едва не затоптал с полдюжины зазевавшихся гостей, чтобы добраться до мисс Кэтрин.

– И я тоже рада нашей встрече, сэр, – с легкой насмешкой ответила она. – Так неожиданно скоро после нашей содержательной беседы!

Энтони улыбнулся. У нее более острый ум.

Колин победно ухмыльнулся, и у Энтони мгновенно сложилось отчетливое и неприятное впечатление, что брат что-то затевает.

– Не могу объяснить толком, – заявил Колин мисс Шеффилд, – но мне почему-то показалось действительно необходимым познакомить вас с братом.

Кейт резко повернула голову и застыла при виде Энтони. При этом выглядела она так, словно только сейчас проглотила ложку хины. Это, по мнению Энтони, было крайне странным.

– Как вы добры, – процедила Кейт.

– Мисс Шеффилд, – жизнерадостно продолжал Колин, показывая на Энтони, – мой старший брат Энтони, виконт Бриджертон. Энтони, это мисс Кэтрин Шеффилд. Насколько мне известно, с ее сестрой ты уже успел познакомиться.

– Совершенно верно, – кивнул Энтони, испытывая всепоглощающее желание, нет, настоятельную потребность удушить брата.

Мисс Шеффилд поспешно, неуклюже присела:

– Лорд Бриджертон! Какая честь быть знакомой с таким человеком, как вы!

Колин издал звук, подозрительно похожий на фырканье. Или смех. Или на то и другое вместе.

И тут Энтони все стало ясно, стоило лишь взглянуть на физиономию брата. Не было никакой застенчивой, несчастной, жалкой старой девы. И что бы она ни наговорила Колину сегодня вечером, комплиментов в адрес Энтони явно не отпускала.

Энтони запоздало увидел, как мисс Шеффилд протягивает ему руку в полном соответствии с правилами этикета. Он взял ее пальцы и слегка прикоснулся к ним губами.

– Мисс Шеффилд, вы так же прелестны, как ваша сестра, – не задумываясь пробормотал он.

И если до этого она была явно не в своей тарелке, то после его реплики буквально побелела от злости. И Энтони с ужасом сообразил, что ляпнул ужасную глупость, окончательно восстановив против себя девушку. Ему не следовало сравнивать ее с сестрой! Она ни за что ему не поверит и посчитает лицемером!

– А вы, лорд Бриджертон, – ответила она тоном, ледяным, как замороженное шампанское, – почти так же красивы, как ваш брат.

Колин снова фыркнул, только на этот раз так сдавленно, словно его душили.

– Вы здоровы, сэр? – озаботилась мисс Шеффилд.

– Как бык! – рявкнул Энтони.

Кейт проигнорировала его, сосредоточив все внимание на Колине.

– Вы уверены?

Колин яростно закивал:

– Просто в горле першит.

– А может, больная совесть покоя не дает? – предположил Энтони.

Колин резко отвернулся от брата и, заикаясь, пробормотал:

– Похоже, мне не помешает еще стакан лимонада...

– Возможно, не помешает что-то покрепче, – предложил Энтони. – Вроде настоя болиголова.

Мисс Шеффилд зажала ладонью рот, вероятно, чтобы удержаться от испуганного смешка.

– О нет, лимонада вполне достаточно, – вкрадчиво ввернул Колин.

– Может, мне принести вам стакан? – озабоченно спросила Кэтрин.

Энтони заметил, что она уже сделала первый шаг, готовая воспользоваться любым предложением, лишь бы улизнуть.

Колин покачал головой:

– Нет-нет, я вполне способен сам дойти до стола. Но, насколько помню, следующий танец наш, мисс Шеффилд.

– Я готова освободить вас от обязательств, – отмахнулась она.

– О, но я не смогу жить в мире с собой, если оставлю вас без партнера! – запротестовал Колин.

Энтони заметил, что мисс Шеффилд явно встревожилась при виде дьявольского блеска в глазах Колина. Похоже, тот испытывал неподдельное наслаждение от происходящего. Что же все-таки он задумал? Такая реакция просто неестественна! Впрочем, что-то в мисс Шеффилд задевало Энтони. Раздражало. Ему просто не терпелось вступить с ней в битву. И победить.

– Энтони, – заговорил Колин с таким невинным и серьезным видом, что у того зачесались руки убить его на месте, – ты никого не пригласил на этот танец?

Виконт ответил уничтожающим взглядом.

– Прекрасно. Надеюсь, ты потанцуешь с мисс Шеффилд?

– Уверена, что в этом нет необходимости! – выпалила вышеупомянутая особа.

Энтони снова пронзил негодующим взглядом сначала брата, а потом и мисс Шеффилд. У последней был такой вид, словно он только что в ее присутствии обесчестил десять девственниц.

– Разумеется, необходимо, – театрально огорчился Колин, игнорируя невидимые кинжалы, которые метали глаза собеседников. – Мне и в голову не пришло бы покинуть молодую леди в час беды! Джентльмены так не поступают!

Он картинно содрогнулся. Энтони серьезно подумывал о настоятельной необходимости повести себя не по-джентльменски. Например, врезать Колину в челюсть.

– Уверяю, – поспешно заметила мисс Шеффилд, – что я предпочитаю одиночество любым тан...

Довольно! С него довольно!

Энтони буквально плавился от бешенства. Собственный брат выставил его дураком! И он не собирается выслушивать оскорбления остроязычной старой девы!

Положив тяжелую руку на плечо мисс Шеффилд, он отчетливо произнес:

– Я сделаю все, чтобы вы не совершили тяжелой ошибки, мисс Шеффилд.

Кейт оцепенела и выпрямилась. Он не понимал, как ей это удается: ее спина и без того была прямее палки.

– Полагаю, вы вот-вот скажете то, о чем скоро пожалеете, – пояснил он.

– Нет, – задумчиво протянула она. – Не думаю, что на роду мне написаны сожаления.

– Ошибаетесь, – зловеще прошипел он и, схватив ее за руку, буквально потащил в круг танцующих.

Глава 3

Виконта Бриджертона заметили танцующим и с мисс Кэтрин Шеффилд, старшей сестрой прекрасной Эдвины. Это может означать одно: внимания автора не избежало то обстоятельство, что старшая мисс Шеффилд стала пользоваться небывалым успехом со времени странного и неожиданного заявления младшей мисс Шеффилд на музыкальном утреннике Смайт-Смитов. Кто и когда слышал о девушке, нуждающейся в разрешении сестры, чтобы выйти замуж? Кроме того, автор хотел бы знать, кто решил, что слова «Смайт-Смит» и «музыкальный утренник» имеют право употребляться в одном предложении?! Автор посетила одно из этих собраний и не услышала ничего, что могло бы хоть отдаленно считаться музыкой.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
22 апреля 1814 года*

Кейт с досадой поняла, что ничего не сможет поделать. Он виконт, она – ничтожество из Сомерсета. Оба стоят посреди переполненного бального зала. И не важно, что она невзлюбила его с первого взгляда. Придется танцевать с ним.

– Совершенно ни к чему тащить меня, – прошипела она.

Энтони картинно ослабил хватку.

Кейт стиснула зубы и поклялась себе, что этот человек никогда не женится на ее сестре. Слишком он холоден, слишком высокомерен. И пусть она немного несправедлива, но он слишком красив, а бархатные карие глаза и волосы абсолютно одного оттенка! Высок, выше шести футов, хотя, вероятно, не более чем на дюйм, а губы, хоть и классических очертаний (Кейт достаточно серьезно изучала искусство, чтобы выносить подобные суждения), чересчур плотно сжаты, словно он не умел улыбаться.

– А теперь, – бросил Энтони, как только ноги стали двигаться в ритм знакомой мелодии, – вы объясните, почему ненавидите меня?

Кейт сбилась с такта и наступила ему на ногу. Ничего не скажешь, человек он прямой.

– Прошу прощения?

– И совершенно ни к чему калечить меня, мисс Шеффилд.

– Уверю, это вышло совершенно случайно.

Тут она сказала правду, хотя не слишком жалела об очередном доказательстве собственной неуклюжести.

– Интересно, почему мне трудно поверить вам? – задумчиво спросил Энтони.

Кейт поспешно решила, что честность будет ее лучшей стратегией. Поэтому она ответит искренностью на искренность.

– Возможно, – коварно улыбнулась она, – потому что знаете: приди мне в голову нарочно наступить вам на ногу, я бы так и сделала.

Он запрокинул голову и рассмеялся. Такой реакции она не ожидала. Правда, если хорошенько подумать, она сама не знала, на какую реакцию рассчитывала, но уж точно не на такую.

– Прошу вас быть более сдержанным, милорд, – настойчиво прошептала она. – Люди начинают оборачиваться.

– Люди стали оборачиваться две минуты назад, – парировал он. – Нечасто такой человек, как я, танцует с такой женщиной, как вы.

Укол был метко направлен, но, к несчастью для него, не попал в цель.

– Неверно, – дерзко ответила Кейт. – Вы уж точно не первый из влюбленных в Эдвину идиотов, пытающихся завоевать ее благосклонность, ухаживая за мной.

– Значит, не поклонники, а идиоты? – широко улыбнулся Энтони.

Поймав его взгляд, Кейт поразилась неподдельно веселому блеску в этих бархатных глазах.

– Надеюсь, вы не собирались скормить мне столь восхитительную приманку, милорд?

– И вы, конечно, не клюнули, – кивнул он.

Кейт опустила глаза, решив посмотреть, нельзя ли будто случайно снова наступить ему на ногу.

– У меня очень жесткие туфли, мисс Шеффилд, – заметил он.

Она резко вскинула голову.

Уголок его губ скривился в издевательской усмешке.

– А также зоркий взгляд, – добавил он.

– Очевидно, так и есть. Придется мне смотреть в оба, особенно в вашем присутствии.

– Боже правый, – протянул Энтони, – неужели это комплимент? Пожалуй, меня может хватить удар от потрясения!

– Если желаете считать это комплиментом, не мне вам возражать, – беспечно бросила

Кейт. – Вряд ли вы получите еще один.

– Вы раните меня, мисс Шеффилд.

– Означает ли это, что ваша кожа не так жестка, как туфли?

– О, разумеется!

Кейт невольно рассмеялась, прежде чем поняла, что делает:

– Этому трудно поверить.

Подождав, пока ее улыбка растает, Энтони холодно процедил:

– Вы не ответили на мой вопрос. Почему вы меня ненавидите?

Кейт попыталась что-то сказать, но на миг потеряла дар речи. Она не ожидала, что он снова поднимет эту тему. Во всяком случае, надеялась на это.

– Вы ошибаетесь, милорд. Я не питаю к вам ненависти, – ответила она, с величайшей осторожностью выбирая слова. – Я даже не знаю вас.

– Близкое знакомство не всегда служит основанием для ненависти, – мягко пояснил Энтони, глядя на нее с убийственной прямоотой – Ну же, мисс Шеффилд, вы отнюдь не кажетесь мне трусихой. Отвечайте!

Но Кейт продолжала молчать. Виконт прав, она заранее была настроена против него. И уж конечно, не собиралась благословлять его на ухаживания за Эдвиной. Она ни на секунду не верила, что остепенившиеся повесы становятся лучшими мужьями. И втайне считала, что повеса вообще не способен остепениться.

Но виконт вполне мог бы преодолеть ее предубеждения. Мог бы стать очаровательным, искренним и чистосердечным и убедить ее, что все газетные истории – гнусные сплетни или, во всяком случае, сильно преувеличены. Что он вовсе не самый мерзкий распутник, которого Лондон видывал с начала этого века. Мог бы заверить, что у него имеется свой кодекс чести, что он человек честный и высоких моральных принципов...

Если бы он с самого начала не сравнил ее с Эдвиной.

Столь очевидной лжи она вынести не могла. Конечно, она не уродлива: и лицо, и фигура достаточно приемлемы. Но она никоим образом не может сравниться с Эдвиной! Младшая сестра – настоящий бриллиант чистой воды, а она, Кейт – всего лишь скромный полудрагоценный камешек. И если этот человек утверждает иное, значит, у него имеются какие-то скрытые мотивы, поскольку он явно не слеп. Он мог бы отпустить ей любой пустой комплимент, и она приняла бы этот комплимент как обычную вежливость джентльмена. И даже могла бы чувствовать себя польщенной, имея его слова хоть какое-то отношение к истине. Но сравнить ее

с Эдвиной... Кейт обожала сестру. Действительно обожала. И лучше других знала, что сердце Эдвины столь же прекрасно и чисто, как ее лицо. Не хотелось думать, что она ревнует, но все же... это сравнение почему-то больно ее уязвило.

– Я не питаю к вам ненависти, – повторила она, упрямо уставившись на его подбородок. Она терпеть не могла трусости, особенно в себе, поэтому вынудила себя смело встретиться его взглядом. – Но я обнаружила, что вы не можете мне нравиться.

Что-то в его глазах подсказало ей, что он ценит ее суровую честность.

– Но почему же? – мягко спросил он.

– Могу я быть откровенной с вами?

Его губы дернулись в невеселой усмешке.

– Прошу вас.

– Сейчас вы танцуете со мной, потому что решили ухаживать за моей младшей сестрой. Это меня не волнует, – поспешно заверила Кейт. – Я привыкла к знакам внимания со стороны поклонников Эдвины.

Очевидно, Кейт совершенно забыла об осторожности, и Энтони едва успел отдернуть ногу, прежде чем она снова наступила на нее. Он с интересом отметил, что Кейт сейчас использует слово «поклонники» вместо «идиоты».

– Пожалуйста, продолжайте, – пробормотал он.

– Вы не тот человек, которого я хотела бы видеть мужем Эдвины, – просто сказала она. Сейчас она была совершенно искренна, а умные карие глаза смотрели ему в лицо. – Вы повеса. Распутник. Ваша репутация общеизвестна. Будь моя воля, я не подпустила бы вас к сестре и на десять футов!

– И все же, – усмехнулся Энтони, – я сегодня танцевал с ней.

– И больше этого не повторится.

– Разве вы имеете право решать судьбу Эдвины?

– Эдвина доверяет моему суждению, – чопорно ответила Кейт.

– Понятно, – с таинственным видом кивнул Энтони. – Весьма интересно. А я считал, что Эдвина – человек взрослый.

– Ей всего семнадцать!

– А вы в двадцать лет считаете себя древней старухой?

– Мне двадцать один, – выдавила Кейт.

– И это делает вас истинным экспертом по части мужчин, а особенно мужей. Вы уже побывали замужем?

– Вы прекрасно знаете, что я еще девица, – процедила Кейт.

Энтони сдержал улыбку. Бог видит, до чего же забавно дразнить старшую мисс Шеффилд!

– Думаю, – медленно произнес он, – что до сих пор вам было сравнительно несложно манипулировать мужчинами, которые стучались в дверь вашей сестры. Верно?

Кейт хранила каменное молчание.

– Так верно?

Наконец она коротко кивнула.

– Я так и думал, – пробормотал Энтони. – Похоже, вы делите их на достойных и недостойных.

Кейт ответила таким негодующим взглядом, что он едва удержался от смеха. Если бы они не танцевали, он, возможно, погладил бы подбородок, притворяясь погруженным в глубокие размышления. Но поскольку руки были заняты, пришлось довольствоваться склоненной набок головой и удивленно вскинутыми бровями.

– Я думаю также, – добавил он, – что вы сделали большую ошибку, надеясь манипулировать мной.

Губы Кейт были сжаты в суровую прямую линию. Но она все же разомкнула их ровно настолько, чтобы произнести:

– Я не стремлюсь манипулировать вами, лорд Бриджертон. Мне просто нужно держать вас подальше от моей сестры.

– И это лишний раз доказывает, мисс Шеффилд, как мало вы знаете мужчин. – Он нагнулся ближе, овеивая горячим дыханием ее щеку.

Кейт вздрогнула. Он знал, что она вздрогнет! И коварно улыбнулся.

– Для мужчин нет ничего более заманчивого, чем брошенный вызов.

Музыканты отложили инструменты. Но Кейт и Энтони по-прежнему стояли посреди зала, глядя в глаза друг другу. Наконец Энтони взял Кейт за руку, но прежде чем увести, шепнул на ухо:

– А вы, мисс Шеффилд, бросили мне самый восхитительный в мире вызов.

Кейт наступила ему на ногу. Сильно. Достаточно для того, чтобы с его губ сорвался совершенно не присущий повесе и распутнику слабый крик. Однако, когда он яростно уставился на нее, она спокойно пожала плечами:

– Это мой единственный способ защиты.

Глаза виконта потемнели:

– Вы, мисс Шеффилд, угроза благополучию окружающих вас людей.

– А вам, лорд Бриджертон, необходимы туфли из кожи потолка.

Рука, лежавшая на ее предплечье, судорожно сжалась.

– Прежде чем я верну вас в безопасное общество бдительных маменек и старых дев, нам нужно кое-что прояснить.

Кейт затаила дыхание. Ей не понравился его жесткий тон.

– Я собираюсь ухаживать за вашей сестрой. И если решу, что ей пойдет титул виконтессы Бриджертон, сделаю ей предложение и женюсь.

Кейт резко вскинула голову. Из глаз ее буквально вырвалось пламя.

– Полагаю, вы вообразили, будто имеете право решать судьбу Эдвины. Не забывайте, милорд, что если, по вашему мнению, ей и пойдет титул виконтессы, она может посчитать иначе.

Энтони усмехнулся с уверенностью мужчины, которому никто и никогда не перечил.

– Если я попрошу руки Эдвины, она не откажет!

– Пытайтесь намекнуть, что еще ни одна женщина не говорила вам «нет»?

Не ответив, он слегка приподнял бровь. Очевидно, предоставил ей делать собственные выводы.

Кейт грубо вырвала руку и, дрожа от гнева, ярости, ненависти и нешуточного страха, направилась к тому месту, где стояла мачеха.

К несчастью, у нее возникло ужасное предчувствие, что он сказал правду. И если устоять перед ним действительно невозможно...

Кейт содрогнулась. Похоже, они с Эдвиной попали в беду. Большую, большую беду.

На следующий день, как всегда, после большого бала, гостиная Шеффилдов была уставлена букетами. К каждому была прикреплена небольшая белая карточка с надписью: «Для Эдвины Шеффилд».

Кейт поморщилась, подумав, что простого «мисс Шеффилд» было бы вполне достаточно. Впрочем, трудно осуждать поклонников Эдвины, хотевших, чтобы их цветы попали именно к той мисс Шеффилд, которой были посланы. Правда, вряд ли кто-то мог бы ошибаться на этот счет. Цветочные аранжировки обычно посылались Эвине. И в этом не было ничего особенного: каждый букет, прибывавший в резиденцию Шеффилдов за последний месяц, адресовался Эвине.

Однако Кейт нравилось думать, что смеяться последней будет именно она. От цветочного аромата Эдвина, как обычно, начинала чихать, поэтому букеты уносили в комнату Кейт.

– Какое прекрасное создание, – шептала она, любовно глядя лепестки безупречной орхидеи. – Думаю, твое место на тумбочке у моей кровати. А вы...

Она нагнулась, чтобы понюхать белоснежные розы.

– Вы будете потрясающе выглядеть на моем туалетном столике.

– Вы всегда разговариваете с цветами?

Кейт круто развернулась при звуках низкого мужского голоса. Господи Боже, да это лорд Бриджертон в голубом утреннем сюртуке. Мужчина просто не имеет права быть таким красивым! Но какого дьявола он тут делает?

Она непременно должна его спросить!

– Какого дья...

Она вовремя осеклась. Нельзя позволить этому человеку низвести ее до такого состояния, когда уже не понимаешь, что говоришь... как бы часто ни сыпала она проклятиями, про себя, разумеется.

– Что вы здесь делаете?

Пожав плечами, он стал расправлять гигантский букет, который до этого держал под мышкой. Розовые розы. Совершенной красоты бутоны. Они были прелестны. Простые и элегантные. В точности такие, какие она выбрала бы для себя.

– Полагаю, обычай позволяет поклонникам наносить визиты предмету своего обожания, не так ли? Или я неверно прочел руководство по этикету?

– Я хотела спросить, – проворчала Кейт, – как вы вошли? Никто не объявил о вашем визите.

Виконт кивком показал в сторону холла:

– Самым обычным образом. Постучал в дверь.

Негодующий взгляд Кейт, раздраженной его сарказмом, не помешал виконту продолжать:

– Как ни удивительно, мне открыл ваш дворецкий. Я дал ему карточку, он взглянул на нее и провел меня в гостиную. И хотя я предпочел бы изобрести некую хитроумную интригу, с помощью которой проник к вам в дом, на деле все было вполне просто и обыкновенно.

– Негодяй дворецкий, – пробормотала Кейт. – Ему полагается узнать, дома ли мы, прежде чем впускать гостей.

– Может, ему уже объяснили, что для меня вы дома при любых обстоятельствах.

– Я не давала ему таких указаний! – вспыхнула Кейт.

– Нет, – усмехнулся лорд Бриджертон, – я на это и не надеялся.

– И Эдвина тоже.

– Возможно, ваша матушка? – продолжал издеваться Энтони.

Ну разумеется!

– Мэри! – простонала Кейт, поняв, кто виновник.

– Вы называете ее по имени? – вежливо осведомился Энтони.

Кейт кивнула.

– Собственно говоря, она моя мачеха. Вышла замуж за моего отца, когда мне было три года. Не знаю, почему я так и зову ее Мэри. Так уж получается, – недоуменно пожала она плечами.

Энтони не сводил с нее глаз, и Кейт вдруг сообразила, что только сейчас позволила этому человеку, – своей немезиде, – заглянуть в крошечный уголок своей жизни. С языка были готовы сорваться слова извинения: бессознательная реакция на собственную глупую болтовню. Но она не хотела просить прощения у этого человека даже за невольные проступки, так что вместо этого сказала:

– Боюсь, Эдвина сейчас на прогулке, так что вы зря приехали.

– О, в этом я сомневаюсь, – отозвался Энтони, протягивая цветы.

Кейт внезапно заметила, что это не один большой букет, а три маленьких.

– Этот – для Эдвины, – пояснил он и положил первый на пристенный столик. А этот... –

Он проделал то же самое со вторым. – ...для вашей матушки.

В руке у него остался последний букет. Кейт оцепенела от шока, не в силах оторвать глаз от совершенных в своей прелести розовых бутонов. Конечно, она знала, в чем дело. Он старается произвести впечатление на Эдвину, но, черт возьми, кроме него, ни один мужчина не дарил ей цветов, и до этого момента она не подозревала, как хочет, чтобы кто-то это сделал.

– Это, – сказал он наконец, протягивая ей розы, – для вас.

– Спасибо, – нерешительно пробормотала она. – Они изумительны.

Она нагнулась, чтобы понюхать росистые бутоны, и зажмурилась от удовольствия, когда ощутила нежное благоухание.

– С вашей стороны так любезно – подумать обо мне и Мэри.

Он учтиво склонил голову:

– Я рад доставить вам удовольствие. Должен признаться, что поклонник моей сестры однажды принес цветы матушке. Я редко видел, чтобы она приходила в такой восторг.

– Ваша матушка или сестра? – дерзко уточнила Кейт.

– Обе, – улыбнулся Энтони.

– А что случилось с поклонником? – не унималась она.

Улыбка Энтони стала поистине дьявольской:

– Женился на моей сестре.

– Пфф! Не будьте так уверены, что история повторится. Но...

Кейт закашлялась, не особенно желая откровенничать, однако не в состоянии лгать в такой момент.

– Но цветы действительно чудесны, и... и это такой трогательный жест! – Слова не шли с языка, но Кейт решительно сглотнула комок, застрявший в горле. – И я его ценю.

Энтони слегка подался вперед. Темные глаза сейчас напоминали расплавленный шоколад.

– Добрые слова, – задумчиво протянул он. – И обращенные ко мне, не больше и не меньше! Видите, это оказалось вовсе не так трудно.

В эту минуту Кейт, нагнувшись над цветами, неестественно выпрямилась.

– Похоже, у вас просто дар говорить неуместные вещи!

– Только там, где речь идет о вас, дорогая мисс Шеффилд. Уверю, что другие женщины ловят каждое мое слово.

– Да, я читала, – бросила она.

Его глаза загорелись.

– Так вот из чего вы составили свое мнение обо мне! Конечно! Достопочтенная леди Уистлдаун! Мне следовало догадаться! Боже, с каким наслаждением я удушил бы эту особу!

– А я нахожу ее остроумной и наблюдательной, – возразила Кейт.

– Еще бы! – буркнул он.

– Лорд Бриджерстон, – выдавила Кейт, – не думаю, что вы явились с целью оскорблять меня. Вы не хотите оставить Эдвине записку?

– Пожалуй, нет. Боюсь, что мое послание не доберется до Эдвины в первоначальном виде.

Это уж слишком!

– Я никогда бы не унилась до лжи и интриг! – дрожащими губами выговорила Кейт. Имей она меньше самообладания, наверняка вцепилась бы ему в глотку. – Ваши грязные намеки порочат меня!

– Я уже высказался, и с этим ничего не поделаешь, – с раздражающим спокойствием ответил Энтони. – Дело в том, что я не слишком хорошо вас знаю, кроме того, вы торжественно поклялись не подпускать меня к вашей сестре даже на десять футов. Признайтесь честно: будь вы на моем месте, согласились бы оставить записку?

– Если надеетесь завоевать благосклонность сестры, обворожив меня, у вас это не слишком хорошо получается, – ледяным тоном заявила Кейт.

– Я это вижу, – кивнул Энтони. – Мне не следовало бы провоцировать вас. Но я не мог удержаться. – Залихватски улыбнувшись, он беспомощно поднял руки. – Как я могу оправдаться? Вы производите на меня странный эффект, мисс Шеффилд.

Кейт с досадой поняла, что его улыбка – оружие, перед которым невозможно устоять. Ноги внезапно ослабели. Сесть... ей необходимо немедленно сесть.

– Прошу вас, садитесь, – пригласила она, показав на диван, обитый синим дамастом, и почти подковыляла к стулу в противоположном конце комнаты. Ей не хотелось задерживать виконта, но она не могла сесть сама, не предложив ему того же, а колени действительно подгибались!

Если виконт и заподозрил что-то неладное в столь внезапном взрыве учтивости, то не показал вида. Вместо этого он взял с подушки длинный черный футляр и положил на стол, прежде чем устроиться на диване.

– Это музыкальный инструмент? – осведомился он, показывая на футляр.

– Флейта, – кивнула Кейт.

– Вы играете?

Она покачала головой, но тут же призналась:

– Пытаюсь научиться. Я начала брать уроки только в этом году.

Очевидно, он вполне удовлетворился ответом, потому что вежливо спросил:

– Как по-вашему, когда вернется Эдвина?

– Не раньше, чем через час. Мистер Бербрук повез ее кататься в парк.

– Найджел Бербрук? – с трудом выдавил виконт.

– Да, а что тут такого?

– У этого человека больше волос, чем мозгов. Гораздо больше.

– Но он лысеет! – не выдержала Кейт.

– И если это не доказывает моей правоты, не знаю, какие еще доводы вам привести! – поморщился виконт.

Кейт, пришедшая к тем же самым выводам насчет ума мистера Бербрука или отсутствия такового, все же не удержалась от упрёка:

– Разве не считается дурным тоном оскорблять своих собратьев-поклонников?

Энтони тихо фыркнул:

– Это вовсе не оскорбление, а чистая правда. В прошлом году он ухаживал за моей сестрой. Вернее, пытался. Дафна делала все, чтобы его обескуражить. Он довольно славный парень, бесполезно это отрицать, но не из тех, с кем вы захотели бы построить корабль, оказавшись на необитаемом острове.

Тут перед Кейт предстала странная и неприличная картина: виконт, попавший на необитаемый остров. Одежда, превратившаяся в лохмотья, кожа, зацелованная солнцем. По телу вдруг растеклось неприятное тепло.

Энтони, склонив голову набок, насмешливо рассматривал ее:

– Скажите, мисс Шеффилд, вы хорошо себя чувствуете?

– Прекрасно! – рявкнула она. – Просто великолепно! Почему вы спрашиваете?

– Вы почему-то покраснелись.

Он подался вперед, пристально всматриваясь в ее лицо. Она действительно не слишком хорошо выглядела.

Кейт принялась обмахиваться веером.

– Здесь немного жарко, не находите?

Энтони медленно покачал головой.

– Нисколько.

Кейт с тоской посмотрела на дверь:

– Интересно, что так задержало Мэри?

– Вы ее ждете?

– Не в ее привычках оставлять меня одну в обществе мужчины.

– Одну?

Последствия подобной ситуации были самыми пугающими. Энтони вдруг представил, как его ловят в сети брака со старшей мисс Шеффилд, и от ужаса на лбу выступил холодный пот. Кейт так не походила на остальных дебютанток своего круга, что он вообще забыл строжайшее правило светского общества, по которому молодой девушке не полагалось оставаться наедине с джентльменом, не являющимся ее родственником.

– Возможно, она не знает, что я здесь, – поспешно заметил он.

– Да, скорее всего это так.

Вскочив, она почти подбежала к сонетке и сильно дернула за ленту:

– Сейчас попрошу кого-нибудь доложить ей. Уверена, она захочет поздороваться с вами.

– Прекрасно. Возможно, миссис Шеффилд согласится составить нам компанию, пока мы ждем возвращения вашей сестры.

Кейт замерла на полпути к стулу.

– Вы собираетесь ждать Эдвину?

Энтони пожал плечами, наслаждаясь ее затруднительным положением.

– У меня нет других планов на сегодняшний день.

– Но может пройти несколько часов, прежде чем она приедет домой!

– Уверен, не больше часа, и, кроме того... – Он осекся, заметив стоявшую в дверях горничную.

– Вы звонили, мисс? – осведомилась она.

– Да, спасибо. Энни, пожалуйста, известите миссис Шеффилд, что у нас гость.

Горничная сделала реверанс и удалилась.

– Мэри сейчас спустится, – заверила Кейт, нервно постукивая носком туфли по ковру. – Уверена, что ее не придется ждать.

Энтони только улыбнулся в своей неприятной манере. Кейт невольно отметила его непригодную позу. Очевидно, он надолго устроился на диване!

В комнате воцарилось неловкое молчание. Кейт сухо улыбнулась, но виконт только поднял брови.

– Уверена, что...

– ...ее не придется ждать, – договорил он за нее, искренне потешаясь.

Кейт опустила на стул, стараясь не гримасничать.

И тут в холле началась суматоха. Послышался собачий лай, сопровождаемый женским визгом:

– Ньютон! Ньютон! Немедленно прекрати!

– Мой пес, – со вздохом объяснила Кейт, поднимаясь. – Боюсь, он не...

– **НЬЮТОН!!!**

– ...слишком хорошо ладит с Мэри, – договорила она, бросившись к двери. – Мэри! Мэри! Что там у вас?

Энтони встал одновременно с Кейт, поморщившись, когда пес снова принялся оглушительно лаять. Мэри завизжала еще громче.

– Что там? – пробормотал он. – Мاستиф?

Это наверняка мастиф. Старшая мисс Шеффилд именно из тех женщин, которой нравится иметь в услужении мастифа-людоеда.

– Нет, – крикнула на ходу Кейт, выбегая в холл как раз в тот момент, когда Мэри издала очередной душераздирающий вопль. – Он...

Остальных слов Энтони не расслышал. Однако особого значения это не имело, потому что в комнату рысцой вбежал самый что ни на есть мирный и спокойный корги на свете, с густой шерстью цвета карамели и брюхом, почти волочившимся по земле.

Энтони окаменел от изумления. Это и есть устрашающее создание из холла?

– Добрый день, пес, – решительно сказал он.

Корги остановился как вкопанный, уселся и...

Улыбнулся?!

Глава 4

Автор, к сожалению, не в состоянии привести все подробности, но в прошлый четверг в Гайд-парке, недалеко от Серпентайна, разразился настоящий скандал с участием виконта Бриджертона, мистера Найджела Бербрука, обеих мисс Шеффилд и безымянного пса неопределенной породы.

Автор, к сожалению, не была свидетельницей случившегося, но, судя по рассказам, победителем вышел безымянный пес.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
25 апреля 1814 года*

Кейт и Мэри, спотыкаясь, одновременно ввалились в гостиную. Ньютон со счастливым видом восседал в центре комнаты на голубом с белым ковре, широко улыбаясь виконту.

– По-моему, вы ему понравились, – заметила Мэри.

– Он и вас тоже любит. Беда в том, что вы его не терпите, – укорила Кейт.

– Я бы любила его больше, не набрасывайся он на меня каждый раз, когда я иду через холл.

– Мне показалось, вы сказали, что мисс Шеффилд и пес не ладят, – уточнил лорд Бриджертон.

– Так и есть. То есть они ладят... то есть не ладят и ладят тоже...

– Это вполне проясняет ситуацию, – пробормотал он.

Кейт проигнорировала язвительную реплику.

– Ньютон обожает Мэри, – пояснила она, – но Мэри терпеть не может Ньютона.

– Я вполне могла бы обойтись без столь преданного обожания, – вмешалась Мэри.

– Поэтому, – продолжала Кейт, – бедный Ньютон считает поведение Мэри по отношению к нему чем-то вроде вызова. И каждый раз, когда видит ее... – Она пожала плечами. – Боюсь, степень его обожания только возрастает.

Пес, словно поняв, о чем идет речь, прыгнул прямо к Мэри.

– Кейт! – воскликнула Мэри.

Девушка поспешила к мачехе, как раз когда Ньютон поднялся на задние лапы и положил передние чуть повыше коленей Мэри.

– Ньютон, лежать! – скомандовала Мэри. – Скверный пес! Плохой пес!

Собака, жалобно взыв, присела.

– Кейт, – чрезвычайно строгим голосом объявила Мэри, – с собакой необходимо погулять.

– Я так и собиралась сделать, но приехал виконт, – ответила та.

– О, какой ужас! – охнула Мэри. – Прошу прощения, милорд. Как грубо с моей стороны не поздороваться с вами!

– Это совершенно не важно, – вкрадчиво заверил виконт. – Вы немного отвлеклись, и я не хотел мешать.

– Да, – проворчала Мэри, – этот злосчастный пес... Господи, где были мои манеры?! Могу я предложить вам чай? Или может быть, вы проголодались? Вы так любезно решили посетить нас...

– Нет, спасибо. Я наслаждался бодрящим обществом вашей дочери в ожидании прибытия мисс Эдвины.

– Ах да. Насколько мне известно, она уехала с мистером Бербруком. Разве не так, Кейт? Кейт, которой не понравилось, что ее общество назвали «бодрящим», сухо кивнула.

– Вы знаете мистера Бербрука? – спросила виконта Мэри.

– Да, – ответил он на удивление нерешительным тоном. – Знаю.

– Я долго думала, прежде чем отпустить с ним Эдвину. Этими карриклами¹ очень трудно управлять, вы согласны?

– Думаю, у мистера Бербрука на редкость твердая рука, – заверил Энтони.

– Слава богу, – облегченно вздохнула Мэри. – Вы меня успокоили.

Ньютон отрывисто залаял исключительно ради того, чтобы напомнить всем о своем присутствии.

– Пожалуй, мне лучше найти его поводок и вывести беднягу на прогулку, – поспешно сообщила Кейт. Глоток свежего воздуха не помешает и ей. И совсем неплохо будет избежать назойливого общества виконта. – Прошу простить меня...

– погоди, Кейт! – окликнула Мэри. – Не можешь же ты оставить лорда Бриджертона со мной. Уверена, я очень скоро надоем ему до слез.

Кейт медленно обернулась, страшась следующей фразы Мэри.

– Как вы можете надоесть, миссис Шеффилд?! – с притворным ужасом ахнул обаятельный повеса.

– Еще как могу, – заверила она. – Вы никогда не беседовали со мной целый час напролет! А раньше Эдвина вряд ли воротится!

Кейт уставилась на мачеху, раскрыв от изумления рот. Что это вытворяет Мэри?!

– Почему бы вам вместе с Кейт не повести пса на прогулку? – предложила Мэри.

– О, я никогда не попросила бы лорда Бриджертона заняться столь прозаическим делом, – поспешно запротестовала Кейт. – Подобные просьбы хуже любой грубости, и, в конце концов, он наш почетный гость.

– Не будь глупенькой, – отмахнулась Мэри, прежде чем виконт успел вымолвить слово. – Уверена, что это станет для него развлечением. Не правда ли, милорд?!

– Конечно, – пробормотал он с совершенно искренним видом.

Но что еще он мог сказать?

– Ну вот. Значит, все улажено, – объявила Мэри, по-видимому, чрезвычайно собой довольная. – Кто знает, вдруг на пути вы встретите Эдвину? Вот была бы удача!

– Действительно, – выдохнула Кейт.

Она только и мечтала избавиться от виконта. Не хватало еще толкнуть Эдвину к нему в лапы! Сестра так молода и впечатлительна! Что, если она не сможет устоять перед улыбкой виконта и его вкрадчивыми речами? Даже Кейт была готова признать, что лорд Бриджертон обладает несомненным обаянием, а ведь она терпеть его не могла! Эдвина, с ее чистосердечием и наивностью, наверняка будет очарована!

– Лорд Бриджертон, прошу, не чувствуете себя обязанным сопровождать меня!

– Но это такая честь, – ехидно усмехнулся виконт, и у Кейт возникло отчетливое чувство, что он согласился прогулять Ньютона с единственной целью – преследовать ее. – Кроме того, – продолжал он, – как сказала ваша матушка, мы вполне можем встретить Эдвину. Это было бы чудесно, не находите?

– О да, – бросила Кейт. – Именно чудесно.

– Превосходно! – обрадовалась Мэри, радостно захлопав в ладоши. – Я видела поводок Ньютона на столе в холле. Сейчас принесу.

Энтони проводил Мэри взглядом, после чего обернулся к Кейт:

– Очень ловко проделано.

– Угу, – пробормотала Кейт.

– Как полагаете, – прошептал он, подавшись к ней, – кого она сватает: вас или Эдвину?

– Меня?! – прохрипела Кейт. – Да вы шутите.

¹ Двухколесный парный экипаж. – Здесь и далее примеч. пер.

Энтони задумчиво потер подбородок, глядя на дверь, за которой исчезла Мэри.

– Не уверен, – протянул он, – но... – Заслышав шаги Мэри, он поспешно закрыл рот.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая поводок падчерице.

Ньютон радостно затаивал и отступил, словно готовясь броситься на Мэри и обрушиться на нее всю силу своей неразделенной любви. К счастью, Кейт успела удержать его за ошейник.

– Вот, – поспешно поправились Мэри, вручая поводок Энтони. – Передайте это Кейт.

Предпочитаю не подходить слишком близко.

Ньютон залаял и с надеждой уставился на Мэри, которая немедленно попятилась.

– Ну-ка сидеть! – строго прикрикнул Энтони.

К величайшему изумлению женщин, Ньютон немедленно повинился и с почти комическим рвением опустил свой жирный зад на ковер.

– Ну вот, – довольно произнес Энтони, протягивая поводок Кейт. – Кто им займется, вы или я?

– Вы, разумеется, – кивнула она. – Похоже, вы умеете обращаться с собаками.

– Естественно, – парировал он очень тихо, чтобы не услышала Мэри. – Они мало чем отличаются от женщин. Обе породы ловят каждое мое слово.

– Я провожу вас до выхода, – деловито кивнула Мэри.

Ньютон радостно залаял, и Мэри немедленно передумала:

– А может, и не стоит. Не желаю приближаться к этой собаке без лишней необходимости.

Но помашу вам из окошка!

– Что бы я делала, не согласись ты помахать мне из окошка, – бросила Кейт мачехе.

Мэри лукаво улыбнулась:

– Не знаю, Кейт. Просто не знаю.

В желудке у девушки мгновенно похолодело, а в душе родилось смутное подозрение. Неужели лорд Бриджертон прав? Может, Мэри всерьез занялась сватовством, и не только ради Эдвины.

Эта мысль пугала.

Кейт и Энтони, оставив Мэри в холле, направились к Милнер-стрит.

– Обычно я иду маленькими улочками до Бромтон-роуд, – пояснила Мэри, посчитав, что Энтони не слишком хорошо знаком с этой частью города, – а потом веду Ньютона в Гайд-парк. Но, если предпочитаете, мы можем пройти прямо до Слоун-стрит.

– Как пожелаете. Я всего лишь следую за вами, – смиренно ответил он.

– Прекрасно, – кивнула Кейт, решительно маршируя по Милнер-стрит к Ленокс-Гарденс.

«Может, если смотреть вперед и идти быстрее, ему скоро надоест разговаривать?» – думала она. Ежедневные прогулки с Ньютоном были временем спокойных размышлений. И спутники ей были совсем ни к чему.

Стратегия прекрасно сработала в первые несколько минут. Они молча добрались до угла Ханс-Кресент и Бромтон-роуд, когда он внезапно сказал:

– Мой брат одурачил нас прошлой ночью.

Кейт остановилась как вкопанная.

– Прошу прощения?

– Знаете, что он сказал, перед тем как познакомить нас?

Кейт споткнулась, прежде чем отрицательно покачать головой.

Зато Ньютон не остановился и, словно обезумевший, дергал за поводок.

– Он утверждал, что у вас не находится слов, чтобы описать меня.

– Нууу, – протянула Кейт, – можно сказать, что он не так уж не прав.

– Он намекал, – пояснил Энтони, – что вы всячески меня превозносили.

Наверное, ей не стоило улыбаться:

– А вот это гнусная ложь.

Возможно, ему тоже не стоило улыбаться, но Кейт почему-то обрадовалась.

– Я тоже так считаю, – ответил он.

Они свернули на Бромтон-роуд и направились к Найтсбриджу и Гайд-парку.

– Но зачем ему это? – спросила Кейт.

Энтони искоса взглянул на нее.

– У вас ведь нет брата, верно?

– Нет. Только Эдвина, и, боюсь, она всего лишь женщина.

– Он сделал это, только чтобы насолить мне, – вздохнул Энтони.

– Благородная цель, – пробормотала Кейт себе под нос.

– Я все слышу, – предупредил Энтони.

– На это я и надеялась, – отрезала она.

– И мне кажется, – продолжал виконт, – что он вознамерился и вам насолить.

– Мне?! Но зачем? Что я ему сделала?

– Возможно, вы слегка спровоцировали его, унизив любимого брата, – предположил он.

– Любимого? – переспросила она, вскинув брови.

– Вернее, обожаемого, – попытался поправиться Энтони.

Кейт покачала головой:

– В это тоже как-то не верится.

Энтони ухмыльнулся. Старшая мисс Шеффилд, несмотря на раздражающе властную натуру, отличалась редким остроумием.

Они добрались до Найтсбриджа, и он взял ее за руку, чтобы перевести через дорогу. Оттуда они направились по одной из тропинок, которые вели к Саут-Карридж-роуд в Гайд-парке. Ньютон, истинно деревенский пес в душе, ускорил шаг, как только они оказались среди зелени, хотя трудно было представить, чтобы толстый ленивый пес передвигался с такой скоростью.

Все же он развеселился и обнюхивал каждый цветок, каждую травинку, дружелюбно махал хвостом перед каждой белкой, собачкой или прохожим, встречавшимися им по пути. Весенний воздух был прохладен и свеж, но солнце уже пригревало, а небо сияло поразительной голубизной, как всегда бывает в Лондоне после недели непрерывных дождей. И хотя об руку с ним шла не та женщина, которую он хотел бы взять в жены, и уж совсем не та женщина, с которой он вообще собирался часто видеться, Энтони отчего-то ощущал непривычное довольство. На душе было необычайно легко.

– Не лучше ли нам направиться к Роттен-Роу? – спросил он Кейт.

– Хммм? – рассеянно промычала она, похоже, не расслышав его вопроса.

Она запрокинула голову и явно наслаждалась долгожданным теплом. И тут на какой-то тревожный момент Энтони вдруг почувствовал резкий укол... чего-то.

Что это?

Он слегка тряхнул головой. Не может же это быть желанием! Только не к этой женщине!

– Вы что-то сказали? – пробормотала Кейт.

Энтони откашлялся и глубоко вздохнул в надежде обрести временно утраченное самообладание. Может, холод немного прояснит голову?

Но вместо этого он уловил ее пьянящий запах: странную смесь экзотических лилий и обычного мыла.

– Вы, похоже, нежитесь на солнышке, – заметил он.

Кейт с улыбкой повернулась к нему. Энтони невольно залюбовался ее ясными глазами.

– Я знаю, вы сказали что-то другое, но... да, мне так хорошо... особенно после этих унылых дождей.

– А мне казалось, что молодым дамам не полагается подставлять лица солнцу, – поддел он.

Кейт пожала плечами и, слегка смутившись, согласилась:

– Не полагается. Они очень боятся загореть. Но это просто божественно, поверьте мне.

Она слегка вздохнула и с такой тоской взглянула вдаль, что у Энтони сжалось сердце.

– Жаль, что нельзя снять шляпку, правда?

Энтони кивнул, испытывая абсолютно то же самое. Но просто немыслимо снимать цилиндр посреди Гайд-парка.

– Вы могли бы сдвинуть ее немного, и никто ничего не заметит, – предложил он.

– Вы так считаете? – оживилась Кейт, и странный укол чего-то вновь пронзил его внутренности.

– Конечно, – пробормотал Энтони, протянув руку, чтобы поправить ее шляпку, одно из причудливых созданий из кружев и лент, которые так нравятся женщинам, причем завязанное таким образом, что ни один мужчина не смог бы понять, как это делается.

Кейт старалась не шевелиться, повинувшись его мягкому приказу, но когда длинные пальцы случайно задели ее висок, затаила дыхание. Он стоял совсем близко, и во всем этом было нечто совершенно немыслимое. Она ощущала жар тела Энтони и исходивший от него чистый, чуть резковатый запах мыла.

И все это неожиданно взбудоражило нервы.

Она ненавидела его или по крайней мере не одобряла и питала искреннюю неприязнь к этому человеку. И все же с трудом подавляла совершенно абсурдное желание слегка податься вперед, пока расстояние между ними не исчезнет, и...

Она чуть покачнулась и вынудила себя отступить. Господи, что это на нее нашло?

– Погодите, – велел он. – Я еще не закончил.

Кейт принялась лихорадочно поправлять шляпку.

– Уверена, все в полном порядке. Вам ни к чему... ни к чему затруднять себя...

– Ну что, так лучше? – спросил он.

Кейт поспешно кивнула, хотя не поняла вопроса.

– Да, спасибо. Просто чудесно. Я... ой!

Ньютон оглушительно залаял и резко дернул за поводок.

– Ньютон! – крикнула Кейт, пытаясь поспеть за псом.

Но тот уже что-то увидел, хотя Кейт не могла понять, что именно, и буквально летел вперед, таща ее за собой, пока она не стала спотыкаться, неудержимо теряя равновесие.

– Ньютон! – беспомощно крикнула она. – Стоять!

Энтони весело наблюдал, как Кейт болтается на другом конце поводка, а пес продолжает тащить ее вперед, перебирая короткими толстыми лапами с такой скоростью, какой трудно было ожидать от перекормленного животного. Кейт предпринимала отважные попытки вцепиться в поводок, но Ньютон окончательно вышел из повиновения и продолжал мчаться в неизвестном направлении.

– Мисс Шеффилд, позвольте мне поводок! – прогремел Энтони, устремляясь вперед, чтобы помочь ей. Конечно, это был не самый блестящий способ разыгрывать героя, но если задумал произвести впечатление на сестру будущей жены, в ход должно идти все!

Однако как раз когда Энтони сумел ее догнать, Ньютон яростно дернул поводок, который вылетел из пальцев Кейт. Та, взвизгнув, метнулась вперед, но пес увернулся и побежал дальше. Поводок змейкой вился по траве.

Энтони не знал, то ли смеяться, то ли стонать от разочарования. Очевидно, Ньютон не собирался сдаваться.

Кейт на секунду застыла, зажав рот рукой. Но тут их взгляды встретились, и у Энтони возникла неприятная уверенность в том, что он проник в ее намерения.

– Мисс Шеффилд, – поспешно начал он, – я уверен...

Но она уже ринулась вслед за псом, вопя «Ньютон!» с полным пренебрежением к правилам этикета. Энтони с тоскливым вздохом устремился за ней. Нельзя же оставить ее одну в беде, если он считает себя джентльменом.

Кейт успела опередить его. Но когда он, завернув за угол, поравнялся с ней, остановилась. Тяжело дыша и подбоченившись, она оглядывала окрестности.

– В каком направлении он побежал? – спросил Энтони, стараясь подавить ощущение того, что в этой запыхавшейся женщине есть нечто, определенно его возбуждающее.

– Не знаю, – выдохнула она. – Думаю, он погнался за кроликом.

– О, теперь поймать его будет проще простого, – заверил Энтони. – Тем более что кролики, как всем известно, выбирают только широкие, хорошо протоптанные тропинки.

– Что будем делать? – спросила Кейт, не обратив внимания на язвительную реплику.

Энтони мужественно подавил желание посоветовать ей вернуться домой и найти себе приличную собаку: уж очень встревоженной выглядела Кейт. Собственно говоря, при ближайшем рассмотрении она скорее выглядела раздраженной, чем встревоженной, но явно переживала за сбежавшего корги.

Поэтому он сказал:

– Предлагаю подождать, пока не услышим женский визг. Бьюсь об заклад, пес в любую минуту может наткнуться на какую-нибудь молодую леди и до смерти ее перепугать.

– Вы так считаете? – нерешительно пробормотала Кейт. – Вообще-то вид у него не утрашающий. Он считает себя грозным и могучим, и это ужасно трогательно, но, по правде говоря, он...

– Ааааааааааай!

– По-моему, теперь все понятно, – сухо объявил Энтони, устремившись на вопли неизвестной дамы.

Кейт поспешила за ним прямо через газоны, в направлении Роттен-Роу. Виконт бежал впереди, и сейчас она могла думать только о том, что он действительно хочет жениться на Эдви́не, поскольку, несмотря на тот факт, что атлетом он был замечательным, все же полностью потерял всякое подобие достоинства, гоняясь по парку за толстым корги. Хуже всего, что им придется показаться в таком виде на Роттен-Роу, любимом месте прогулок аристократов.

Теперь все их увидят! Менее решительный мужчина давно бы сдался.

Кейт пыталась догнать его, но все больше отставала. Конечно, она никогда не носила брюк, но была совершенно уверена, что бежать в них легче, чем в юбках.

Она летела через Роттен-Роу, отказываясь встретиться глазами с нарядно одетыми леди и джентльменами: всегда есть шанс, что ее просто не узнают в этой растрепанной особе, мчащейся по парку так, словно у нее подошвы горят. Шанс, конечно, невелик, но все же есть.

Наконец она снова оказалась на траве, но тут же споткнулась. Пришлось остановиться и отдышаться. И тут до Кейт дошел весь ужас ее положения. Они почти у Серпентайна.

О, только не это!

Ньютон обожал воду и, конечно, не задумываясь, прыгнет в озеро. К тому же солнце сегодня припекает, и искушение для всякого, чей мех так густ, конечно, велико, тем более что Ньютон развил поистине головокружительную скорость, головокружительную, разумеется, для разжиревшего корги, и теперь наверняка изнывает от жары.

Правда, Ньютон до сих пор не остановился и умело держал высокого сильного виконта на расстоянии.

Кейт приподняла юбки на дюйм-другой – пропади пропадом все зеваки, сейчас она не может позволить себе помнить об этикете – и вновь бросилась за виконтом. Конечно, Ньютона ей не догнать, но, может, она сумеет добраться до виконта, прежде чем тот прикончит несчастного пса.

Энтони действительно подумывал об убийстве. Нужно быть святым, чтобы не мечтать о расправе с такой собакой.

И если хотя бы один процент написанного о нем леди Уистлдаун – правда, он отнюдь не святой.

Кейт с трудом сглотнула слюну.

– Лорд Бриджертон! – окликнула она, намереваясь попросить его прекратить преследование. Нужно просто подождать, пока Ньютон не устанет. А с такими короткими лапами, как у него, долго бегать невозможно. – Лорд Бриджертон! Мы могли бы просто...

Кейт неожиданно осеклась.

Никак это Эдвина? На самом берегу озера?

Она прищурилась.

Это действительно Эдвина. Сестра стояла в изящной позе со сцепленными перед собой руками. Похоже, несчастный мистер Бербрук пытается починить сломавшийся экипаж!

Ньютон на секунду замер, одновременно с Кейт увидев Эдвину, и, резко изменив курс, с радостным лаем метнулся к одной из любимых хозяек.

– Лорд Бриджертон! – снова позвала Кейт. – Взгляните! Там...

Энтони обернулся и посмотрел в ту сторону, куда указывал ее палец. Так вот почему чертова псина так внезапно свернула в другую сторону! Энтони едва не поскользнулся в грязи и не шлепнулся на траву, пытаясь предпринять тот же маневр, что и Ньютон.

Нет, он непременно прикончит негодяя!

Нет, лучше придушить Кейт Шеффилд!

Нет, может быть...

Злорадные мысли о неминуемой мести прервал внезапный визг Эдвины:

– Ньютон!!!

Энтони привык считать себя человеком решительных действий. Но, увидев, что пес взвился в воздух и метнулся к Эдвине, буквально оцепенел от шока. Сам Шекспир не смог бы сочинить более подходящей концовки этого фарса, и сейчас он разыгрывался перед глазами Энтони с замедленной скоростью.

И он ничего не мог поделать.

Сейчас пес ударит Эдвину в грудь, и та упадет на спину!

Прямо в Серпентайн.

– Нееееет! – завопил он, рванувшись к девушке, хотя сознавал, что любые проявления героизма с его стороны попросту бесполезны.

Плюх!

– Господи! – ахнул Бербрук. – Она вымокнет до нитки!

– Так не стойте здесь, – отрезал Энтони, добравшись наконец до места действия и прыгая в воду. – Помогите хоть чем-нибудь!

Бербрук явно не понимал, что от него требуется, и поэтому остался на месте и, тараща глаза, наблюдал, как Энтони хватает Эдвину за руку и помогает выйти на берег.

– Вы не ошиблись? – пробурчал он.

Она покачала головой и попыталась что-то ответить, но тут же отчаянно расчихалась.

– Мисс Шеффилд! – проревел Энтони, заметив, как Кейт замерла на берегу. – Нет, не вы, – уточнил он, когда Эдвина дернула его за руку. – Ваша сестра.

– Кейт? – прошептала Эдвина, смахивая капли воды с глаз. – Где Кейт?

– Вон она. Сухая, как песок в пустыне, – пробормотал он и тут же грубо рывкнул: – Немедленно возьмите пса на поводок!

Ньютон как ни в чем не бывало успел вволю наплескаться в озере и сейчас сидел на траве, высунув язык едва не до земли. Кейт поспешила к нему и схватила злополучный поводок.

Энтони повернулся к Эдвине, которая, как ни удивительно, была неотразима даже в промокшем и грязном платье.

– Позвольте мне увести вас отсюда, – хмуро предложил он и, прежде чем она успела отреагировать, подхватил ее на руки и вынес на дорожку.

– Никогда не видел ничего подобного! – прокомментировал Бербрук, качая головой.

Энтони не ответил, боясь, что не совладает с собой и швырнет идиота в воду. О чем он думал, когда торчал на берегу, пока это жалкое подобие собаки топило Эдвину?!

– Эдвина! – позвала Кейт, подходя так близко, как только мог позволить поводок Ньютона. – С тобой все в порядке?

– Думаю, вы для этого сделали все, что могли, – процедил Энтони, наступая на нее.

– Я?! – ахнула Кейт.

– Взгляните на нее! – прогремел он. – Нет, вы только взгляните на нее!

– Но это несчастный случай!

– Я прекрасно себя чувствую! – вмешалась Эдвина. – Немного замерзла, но ничего страшного!

– Видите? – запротестовала Кейт и судорожно сглотнула, внезапно сообразив, что сестра могла утонуть. – Говорю вам, это получилось случайно!

Виконт скрестил руки на груди и вскинул брови.

– Я никогда не причинила бы зла Эдвине. Как, по-вашему, я сотворила это поразительное деяние? – Кейт неожиданно хлопнула себя по лбу, словно совершила открытие. – Ах да, я знаю тайный язык корги! Велела Ньютому выдернуть у меня поводок и, поскольку еще и обладаю ясновидением, узнала, что Эдвина сейчас находится на берегу Серпентайна. Вот и приказала псу, мысленно, разумеется, так как он был слишком далеко, чтобы услышать мой голос, изменить направление бега, направиться к Эдвине и толкнуть ее в озеро.

– Сарказм вам не к лицу, мисс Шеффилд.

– Не вижу того, что было бы к лицу вам, лорд Бриджертон.

Энтони подался вперед, зловеще выдвинув подбородок:

– Женщины не должны держать в доме животных, если не могут их контролировать.

– А мужчины не должны брать женщин и животных на прогулку в парке, если не могут обеспечить их безопасность, – отрезала Кейт.

Энтони ощутил, как краснеют кончики ушей от едва сдерживаемой ярости:

– Вы, мадам, – несомненная угроза обществу.

Кейт открыла было рот, чтобы ответить на оскорбление. Но вместо этого раздвинула губы в пугающе коварной улыбке, повернулась к собаке и приказала:

– Отряхнись, Ньютон!

Ньютон взглянул на палец, указывающий прямо на Энтони, послушно потрусил к цели и усердно встряхнулся, послав во все стороны фонтаны брызг.

Энтони бросился к Кейт, явно намереваясь схватить ее за горло.

– Я... вас... УБЬЮ!!! – проревел он.

Но Кейт ловко увернулась и бросилась к Эдвине.

– Что это с вами, лорд Бриджертон? – издевательски осведомилась она, спрятавшись за спину сестры. – Вот уж не думала, что вы выйдете из себя в присутствии прекрасной Эдвины!

– Кейт, – взволнованно прошептала сестра, – что происходит? Почему ты так зла на него?

– А почему он так зол на меня? – прошипела Кейт.

– Послушайте, – внезапно ожил мистер Бербрук, – этот пес вымочил мне сюртук!

– Он забрызгал всех, – отозвалась Кейт.

Включая и ее саму. Но оно того стоило. О, оно того стоило! Она сделала бы это еще раз, лишь бы увидеть выражение потрясенной ярости на лице этого напыщенного аристократа!

– Вы! – заорал Энтони, яростно тыча пальцем в Кейт. – Молчать!

Кейт послушалась. Она не так глупа, чтобы и дальше провоцировать его. Он и без того выглядит так, словно его голова в любой момент взорвется. И разумеется, ему так и не удалось сохранить достоинство. А ведь каким невозмутимым он казался утром! Но сейчас с правого рукава капала вода: это он вытаскивал из озера Эдвину. Обувь, похоже, безнадежно испорчена, а сюртук в темных пятнах: результат стараний Ньютона.

– Вот что мы сделаем, – продолжал виконт убийственно тихим голосом.

– Лично мне, – вмешался мистер Бербрук, явно не сознавая, что лорд Бриджертон готов придушить первого, кто откроет рот в его присутствии, – необходимо отремонтировать экипаж. Потом я смогу отвезти мисс Шеффилд домой.

Он показал на Эдвину на случай, если кто-то не понял, какую мисс Шеффилд имеет в виду.

– Мистер Бербрук, – процедил Энтони, – вы умеете чинить экипажи?

Мистер Бербрук часто заморгал.

– Да вы хотя бы знаете, что стряслось с вашим экипажем?

Бербрук несколько раз открыл и закрыл рот, прежде чем объяснить:

– Есть у меня кое-какие предположения. Думаю, мне довольно быстро удастся понять, в чем суть проблемы.

Кейт заворуженно уставилась на жилку, бьющуюся на горле Энтони. Она впервые видела человека, доведенного до крайности. Немного побаиваясь взрыва, она снова спряталась за спину сестры, поскольку посчитала это наиболее благоразумной мерой предосторожности. Ей не нравилось думать о себе как о трусихе, но инстинкт самосохранения – дело другое.

Однако виконт каким-то образом умудрился держать себя в руках.

– Вот что мы сделаем, – повторил он ужасающе ровным голосом.

Три пары глаз выжидающе воззрились на него.

– Сейчас я подойду к ним...

Он показал на леди и джентльмена, стоявших ярдах в двадцати от компании и безуспешно делающих вид, что не интересуются происходящим.

– ...и спрошу Монтроуза, нельзя ли на несколько минут позаимствовать его экипаж.

– Как, – воскликнул Бербрук, вытягивая шею, – неужели это Годфри Монтроуз? Сто лет его не видел!

Кейт заметила, как начала пульсировать вторая жилка, на этот раз на виске виконта, и крепко сжала руку Эдвина в поисках поддержки.

Нужно отдать должное Бриджертону – он проигнорировал абсолютно неприличное вмешательство Бербрука и упорно продолжал:

– И поскольку он согласится...

– Вы уверены? – выпалила Кейт.

На этот раз его карие глаза напоминали осколки льда.

– В чем именно? – бросил он.

– Ни в чем, – промямлила она, готовая лягнуть себя. – Пожалуйста, говорите.

– Как я уже сказал, Монтроуз – истинный джентльмен и мой друг. – Он окинул Кейт яростным взглядом: – Он непременно согласится. Я отвезу мисс Шеффилд домой, после чего вернусь к себе и прикажу одному из моих людей вернуть коляску Монтроуза.

Никто не потрудился спросить, какую именно мисс Шеффилд он имеет в виду.

– А Кейт? – неожиданно спросила Эдвина. Что ни говори, а каррикль вмещает только двух человек.

Кейт снова сжала руку сестры. Дорогая, добрая Эдвина.

– Мистер Бербрук проводит вашу сестру домой, – сухо сообщил Энтони.

– Но я не могу, – возразил Бербрук. – Сначала нужно починить экипаж.

– Где вы живете? – прорычал Энтони.

Бербрук удивленно моргнул, но послушно назвал ему свой адрес.

– Я заеду к вам домой и пошлю сюда слугу. Пусть подождет у экипажа, пока вы провожаете мисс Шеффилд. Вам ясно?

Он замолчал и сурово оглядел собравшихся, включая Ньютона. Исключением оказалась только Эдвина, единственная, кто не стал объектом его ярости.

– Вам ясно? – повторил он.

Все дружно закивали, и план был немедленно приведен в исполнение. Уже через несколько минут Кейт смотрела вслед отъезжающим лорду Бриджертону и Эдвине, тем самым людям, которые, как она поклялась, больше никогда не окажутся вместе в одной комнате.

Но хуже всего, что она сама осталась наедине с мистером Бербруком и Ньютоном.

И у нее ушло ровно две минуты на то, чтобы определить, кто из них лучший собеседник.

Глава 5

Внимание автора привлекло то обстоятельство, что мисс Кэтрин Шеффилд оскорбилась за свою собаку, поименованную «безымянным псом неизвестной породы».

Поверьте, автор этих строк сгорает от стыда из-за своей грубейшей и вопиющей ошибки и умоляет тебя, дорогой читатель, принять мои смиренные извинения и обратить внимание на эту первую поправку в истории светской хроники.

Собака мисс Кэтрин Шеффилд – чистокровный корги и зовется Ньютоном, хотя трудно представить, что величайшему физическому и изобретателю Англии понравился бы столь оригинальный способ обессмертить его в образе маленького перекормленного пса с дурными манерами.

*«Светская хроника леди Уистлдаун»,
27 апреля 1814 года*

К вечеру того же дня стало очевидно, что Эдвине не удалось выйти из своего пусть и короткого испытания без потерь. Нос покраснел, глаза слезились, и всякий, кто видел ее распухшее лицо, убеждался, что, хотя серьезной болезнью тут и не пахнет, она все же сильно простудилась.

Несмотря на то что Эдвину немедленно уложили в постель с бутылкой горячей воды у ног и кружкой целебного зелья, приготовленного кухаркой, на тумбочке, Кейт преисполнилась решимости немедленно поговорить с сестрой.

– Что он сказал тебе по пути домой? – резко спросила она, усаживаясь на край кровати?

– Кто? – пробормотала Эдвина, опасливо пригнувшись к запаху, издаваемому снадобьем. – Взгляни лучше на это. Какой-то странный дым, не находишь?

– Виконт, – нетерпеливо напомнила Кейт. – Кто еще мог говорить с тобой по пути домой? И не будь трусихой. Никакого дыма. Обычный пар.

Эдвина снова пригнулась и состроила гримаску:

– Пахнет просто ужасно. И вовсе это не пар.

– Говорю тебе, пар! – прошипела Кейт. – Что он говорил?

– Лорд Бриджерстон? – благодушно переспросила Эдвина. – О, совершенно банальные вещи. Ты понимаешь, о чем я. Светская беседа, и все такое...

– Он вел светскую беседу, пока с тебя стекала вода? – с сомнением уточнила Кейт.

Эдвина осторожно пригубила лекарство и едва не подавилась.

– Что она туда положила?

Кейт последовала примеру сестры и тоже потянула носом.

– Немного похоже на лакрицу. И по-моему, я вижу на дне изюминки.

Но тут она услышала стук дождя в стекла и поспешно выпрямилась:

– Дождь пошел?

– Не знаю, – шмыгнула носом Эдвина. – Вполне возможно. К концу дня небо затянуло облаками.

Она с сомнением посмотрела на кружку и поставила ее обратно на стол.

– Если я выпью это, только еще хуже станет.

– Но что он еще сказал? – допытывалась Кейт и, подойдя к окну, отодвинула штору и выглянула наружу.

Действительно моросило, но трудно сказать, перейдет ли легкий дождик в грозу с молнией и громом.

– Кто, виконт?

Нет, нужно быть святой, чтобы хорошенько не встряхнуть сестрицу!

– Да, виконт, – прошипела Кейт.

Эдвина, которую тема явно не интересовала так живо, как старшую сестру, пожала плечами:

– Спрашивал, как я себя чувствую, конечно. Вполне естественно, учитывая, что я недавно выкупалась в Серпентайне. Должна заметить, совершенно мерзкое ощущение. Мало того, вода не только холодная, но и грязная.

Кейт откашлялась и снова села, готовясь задать самый неприятный, по ее мнению, вопрос. Но ничего не поделаешь, она просто обязана спросить. Пытаясь не выказать любопытства, так и бурлившего в ее венах, она проямлила:

– Надеюсь... он не пытался непристойно заигрывать с тобой?

Эдвина дернулась от неожиданности, широко раскрыла глаза и воскликнула:

– Разумеется, нет! Он вел себя как настоящий джентльмен. Не понимаю, с чего это ты так разволновалась? Говорю тебе, это была обычная, ни к чему не обязывающая беседа. Я уже не помню половины сказанного...

Кейт устала на сестру, не в силах понять, как Эдвина в первые же десять минут, проведенных в компании этого распутника, не сумела понять, что он собой представляет. Он ухитрился не произвести на нее неприятного впечатления? Странно, очень странно. Потому что, к ее непреходящей досаде, каждое ужасное слово, которое он сказал ей, навеки отпечаталось в памяти.

– Кстати, – добавила Эдвина, – как ты провела время с мистером Бербруком? Ты вернулась почти через час.

Кейт картинно содрогнулась.

– Так плохо?

– Уверена, он станет прекрасным мужем какой-нибудь женщине. При условии, что у нее тоже не будет мозгов.

– О, Кейт, ты просто невыносима, – хихикнула Эдвина.

– Знаю-знаю, – вздохнула Кейт. – Непростительно жестоко с моей стороны. Бедняга так добр и совершенно беззлобен. Просто...

– Просто невыносимо глуп, – закончила Эдвина.

Кейт вскинула брови. Не в привычках сестры быть столь категоричной.

– Знаю, – виновато улыбнулась Эдвина. – Теперь я выгляжу злой и неблагодарной. Мне не стоило это говорить, но, если честно, я была уверена, что просто погибну во время прогулки.

Кейт сочувственно устала на сестру:

– С ним опасно ехать в каррикле? Он не умеет править?

– Нет, вовсе нет. Но он кого хочешь уморит своими разговорами.

– Настолько скучно?

Эдвина кивнула и удивленно покачала головой:

– Мне было так трудно уловить, что он имеет в виду, что я развлекалась, пытаюсь определить ход его мыслей.

Она сильно раскашлялась и добавила:

– Но в конце концов у меня разболелась голова.

– Значит, ему не суждено стать твоим идеальным мужем-ученым? – благодушно улыбнулась Кейт.

Эдвина снова закашлялась:

– Боюсь, что нет.

– Может, тебе все-таки следует попробовать этого зелья? – предложила Кейт, показывая на кружку. – Кухарка клянется, что оно творит чудеса.

Эдвина яростно замотала головой:

– На вкус оно хуже яда!

Кейт немного подождала и снова продолжила допрос:

– Виконт что-то говорил обо мне?

– О тебе?

– Нет, о какой-то другой Кейт! – вышла она из себя. – Конечно, обо мне! Сколько у тебя еще сестер?!

– И совсем ни к чему расстраиваться.

– Я не расстраиваюсь.

– И к тому же он ни разу не упомянул о тебе.

Кейт отчего-то стало досадно.

– Зато без обиняков высказался о Ньютоне.

Кейт прикусила губу. Неприятно, когда тебе предпочитают собаку!

– Я заверила его, что Ньютон – идеальный пес и совсем меня не обидел, но виконт так очаровательно беспокоился обо мне!

– Как мило, – пробормотала Кейт.

Эдвина схватила платок и высморкалась.

– Послушай, Кейт, мне кажется, тебя интересуется виконт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.